

М.П. Астапенко
Е.М. Астапенко

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КРАЯ

Михаил Астапенко
История Донского края

«МиниТайп»

2023

ББК 63.3.(2РОФ-4Рос)-7

Астапенко М. П.

История Донского края / М. П. Астапенко — «МиниТайп», 2023

ISBN 978-5-98615-326-1

В книге «История Донского края» известных донских историков М. П. Астапенко и Е. М. Астапенко раскрывается экономическая, социальная, военно-политическая история донского казачества, а также история греков, татар, армян, немцев, калмыков, поляков, евреев и других народов, населявших донскую землю в 1550—2013 гг. В книге рассказывается о развитии народного образования, церкви, литературы, искусства, медицины, спорта за этот же период. Книга рассчитана на учащихся старших классов общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, колледжей и кадетских корпусов. Она может быть интересна всем любителям отечественной истории, учителям, преподавателям и студентам российских и зарубежных вузов, изучающих историю России, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к истории славного Донского края. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ББК 63.3.(2РОФ-4Рос)-7

ISBN 978-5-98615-326-1

© Астапенко М. П., 2023

© МиниТайп, 2023

Содержание

Глава 1	6
1. Население Донского края в древности (до XVI века)	6
2. Природа Донского края	9
3. Возникновение донского казачества	11
4. Образование Войска Донского. Казачьи городки и станицы	16
5. Казачий говор. Одежда. Жилища. XVI–XVII веков	19
6. Территория Всевеликого Войска Донского. XVII век	21
7. Органы власти у казаков. XVI–XVII вв.	22
8. Зимовые и легковые станицы (посольства)	29
9. Походы казаков. XVI–XVII вв.	32
10. Семейные отношения у казаков. XVI–XVII вв.	35
11. Развитие торговли на Дону. XVI–XVII вв.	37
12. Земледелие на Дону. XVII столетие	38
13. История церкви на Дону. XVI–XVII вв.	40
14. Медицина Донского края. XVI–XVII вв.	46
Глава 2	47
15. Участие донских казаков в войнах России XVI столетия	48
16. Смута и донские казаки. 1605–1612 гг.	53
17. Восстание Ивана Болотникова и донские казаки. 1606–1607 гг.	56
18. Выборы царя и участие в них донцов. 1613 год	59
19. Азовское «осадное сидение». 1637–1641 гг.	60
20. За Дон, за Русь святую	66
21. С Петром Первым под Азовом. 1695–1696 гг.	68
22. Степан Разин	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

М. П. Астапенко и Е. М. Астапенко

История Донского края

© Астапенко М. П., Астапенко Е. М., 2023

© ООО «Мини Тайп», 2023

*** * ***

***«ВСЯКИЙ ЛЮБИТ СВОЮ РОДИНУ,
НО, МОЖЕТ БЫТЬ, ДОН, ТИХИЙ И ВОЛЬНЫЙ
ДОН, ДОСТОИН КАКОЙ-ТО ОСОБЕННО
ОСТРОЙ ЛЮБВИ».***

К. А. ТРЕНЕВ

Глава 1

Седая старина Донского края

1. Население Донского края в древности (до XVI века)

Земля, ныне занимаемая Ростовской областью, издревле называлась Диким Полем. Оно описано в сотнях рассказов, повестей, романов, опоэтизировано в десятках поэм и стихотворений. Вспомним хотя бы прекрасное стихотворение Максимилиана Волошина “Дикое поле”:

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое поле,
Темная Киммерийская степь.
Вся могильниками покрыта —
Без имян, без конца, без числа...
Вся копытом, да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.
Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет – развалист и хляб —
По оврагам, увалам, изломам
По немереным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями клочья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поет.
Эти поприща – дно океана
От великих обсякшее вод.
Распалял их полуденный огонь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры
Пред рассветом скрипели телеги
По ночам разгорались костры
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей.
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопа
Колченогих, раскосых людей.
И орлы на Равенских воротах
Исчезали в водоворотках
Всадников и лошадей.

Много было их – люты, хоробры,
Но исчезли, “изникли”, как “обры”
В темной распре улусов и ханств,
В смерчи, что росли и шибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств¹.

Исторические события на Диком поле, которые так поэтически описал Максимилиан Волошин, происходили, конечно, менее поэтично и более жестоко. Расскажем о них...

...В глубине седой древности, на бескрайних просторах Дикого поля обитали воинственные и свободолюбивые племена **скифов**. Свою свободу и независимость, ценимые выше самой жизни, скифы защищали с поразительным мужеством и упорством, малыми силами побеждая сильнейшего врага.

В скифский период на донской земле процветали греческие города-колонии, главным из которых являлся знаменитый **Танаис**. Он вырос здесь в III веке до нашей эры из небольшого поселения, основанного выходцами из соседнего Боспора. Танаис вел обширную торговлю с купцами разных стран и племен. Пережив в своей многовековой и бурной истории периоды упадка и расцвета, Танаис был уничтожен войсками боспорского царя в IV веке нашей эры.

Наряду со скифами донскую землю населяли **сарматы**, говорившие примерно на том же языке, что и скифы. Главным занятием сарматов являлось скотоводство. Племена храбрых и воинственных сарматов были вытеснены свирепыми, не знавшими жалости и пощады **гуннами**, которые в 375 году появились на донских просторах, “вынырнув” из неведомых глубин Азии. Отсюда неудержимым потоком они захлестнули Западную Европу, заставив ее в короткий срок напрячь все силы, чтобы остановить беспощадных варваров. Только в грандиозной “битве народов” на Каталаунских полях в Галлии были разгромлены. После смерти их царя Аттилы гуннское государство распалось.

Этим воспользовались **авары**. Они пришли на Дон из-за Волги, потеснили ослабленных междуусобицами гуннов, покориw немногочисленное местное население.

Аваров сменили **хазары**. Шли годы, уходили в небытие десятилетия. Пришло время потесниться и хазарам. Храбрые **русичи** наголову разгромили их войско, убив кагана и разрушив хазарскую крепость на Дону Саркел, где вскоре вырос русский город Белая Вежа.

Вскоре на привольных степях Дикого поля показались орды **печенегов**. Их сменили **половецкие племена**. Многие помнят и хранят степи донские. Помнят они храбрость Игоревой рати, polegшей на ковыльных просторах Дона в 1185 году в неравной битве с половцами.

Снова стремительно летели годы, неумолимые, как рок. Донские степи огласились гортанными криками узкоглазых воинов на маленьких выносливых лошадаках: в пределы Дикого поля вторглись **монголо-татары**. Словно страшный опустошительный вихрь, пронеслись они по девственным донским степям, уничтожая все живое на своем жестоком пути. Долгие годы после этого зловеще белели на донских степях костяки людей и коней, уничтоженных в неравных схватках с монголами.

Донским степям суждено было стать свидетелями немеркнувшей славы русских воинов, разгромивших на берегах Дона, на достопамятном Куликовом поле, орды золотоордынского военачальника Мамая солнечным сентябрьским днем 1380 года.

В устье Дона на берегу Азовского моря расположен город **Азов**. В свое время он принадлежал храбрым русичам. В X–XI веках нашей эры этот город входил в состав Тмутараканского княжества Киевской Руси с 1067 года и назывался Азупом. Затем он был захвачен половцами, а от них перешел к золотоордынским ханам, которые именовали его уже Азаком.

¹ Волошин М. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 223–224.

В XII веке в этих краях появились новые хозяева – **венецианцы и генуэзцы** – постоянно соперничавшие друг с другом. Здесь в Азове, вскоре появилась торговая фактория **Тана**, которой управлял совет из богатейших итальянских купцов. Немногочисленное местное население – русские, аланы, турки – находилось в подчиненном положении. Тана год от года богатели, потому что отсюда шли оживленные торговые пути на Волгу, в Среднюю Азию, на Кавказ, Иран и далекий Китай. Танская фактория имела большой двор, мощеный камнем, площадью около трех тысяч квадратных метров. Он был огорожен высокой каменной стеной с крепкими башнями и бойницами. Въезд во двор тщательно охранялся, а надежные дубовые ворота были тщательно забраны толстыми листами первосортного железа. Внутри крепости находились обширные товарные склады и казармы для копейщиков и стрелков, охранявших Тану. Перед воротами фактории находился большой и шумный рынок, где постоянно кипела бойкая торговля. Из продуктов местного производства жители выгодно торговали рыбой и икрой. Предприимчивые татары доставляли сюда скот, шерсть, кожу, конские хвосты, чтобы все это удачно обменять на разнообразные ремесленные товары. Частыми гостями в Танае были манжарские купцы, привозившие сюда дорогой шелк, золото, прекрасные ковры, серебряные украшения и драгоценности. Окрестные народы продавали здесь душистый мед, хлеб, воск, коровье масло. В Танае существовал и невольничий рынок, где продавали русских пленников, угнанных с родных мест турками и татарами.

Печатью веков был отмечен этот город. С тринадцатого столетия Тана попала под контроль золотоордынских ханов, с которыми итальянские купцы заключали взаимовыгодные договоры, и жизнь продолжалась.

Но на горизонте времени уже маячила более грозная опасность – свирепый Тимур Завоеватель, с которым не договоришься, от которого не откупишься... В роковом сентябре 1395 года полки “железного хромца” всепоглощающей тучей хлынули на Дон, уничтожая по пути города и селения. В неравной схватке погибла и Тана, дотла был разрушен Азак... Казалось, ничто уже не возродится на этом месте, но время брало свое. С годами медленно, но неуклонно восстанавливалась Тана, набирал силы Азак. Но мирные годы длились непродолжительное время: будущее принесло нового завоевателя, не менее грозного и беспощадного, чем Тимур-хромец – мощным флотом в Приазовье стучались **турки-османы**, уже успевшие привыкнуть к победам... В 1475 году они овладели Таной и Азаком, превратив последний в сильную базовую крепость, опираясь на которую турецкие султаны мечтали покорить юг России.

2. Природа Донского края

В ту далекую пору необъятные просторы Дикого поля, простиравшиеся от берегов Нижней Волги через Дон до Днепра, и от верховьев Воронежа, Хопра, Медведицы до Азовского моря, кутались в густые травы; седой красавец-ковыль поднимался в пояс человека. Через неохватные просторы Дикого поля, от туманного и холодного рязанского севера до залитого солнечными благодатными лучами приазовского юга широкой лентой, блестя под животворными лучами дневного светила, вился в зыбких берегах сине-зеленый Дон-батюшка, берущий начало в Иван-озере. Средняя ширина Дона на территории земли донских казаков достигала ста сажень (1 сажень = 213 сантиметрам), а в устье – до 260 сажень, при наибольшей глубине в 10 сажень.

Из других крупных рек казачьей земли Дон питали Аксай, Северский Донец, Цимла, Чир, Хопер, Медведица, Маныч, Иловля, Миус. Кроме этого, на донской земле имелось огромное число более мелких рек, речек, ручьев и ериков.

Обычным явлением на Дону в весенне-летнее время (апрель-июнь) являлись наводнения, часто принимавшие разорительный характер, особенно для жителей низовых казачьих городков, таких как Монастырский и Черкасский. Особенно сильными и разрушительными для казаков были наводнения 1646, 1689, 1740, 1760, 1773, 1775, 1786, 1820, 1845, 1849, 1880, 1896, 1917 годов.

Вся земля донских казаков условно делилась на низменные равнины, возвышенности и “горы”. Низменная равнина тянулась на левой стороне Дона от реки Медведицы до саратовских и астраханских земель и южнее доходила до предгорий Северного Кавказа. Здесь имелось множество ручьев, речек, балок с оврагами, которые в сочетании с курганами и молчаливо стоявшими на них каменными “бабами” являли собой колоритную и запоминающуюся картину.

Остальная часть Дикого поля была сравнительно возвышенной, особенно в северной его части, в хоперской и усть-медведицкой землях Дона.

К так называемым “горам”, возвышенным местам, относилась территория, позже называвшаяся Миусским округом Войска Донского.

“Климат Донской земли, – писал донской историк XIX века Василий Сухоруков, – примечателен и по благорастворенности своей и по некоторым свойствам. Здесь в одном месте вы видите прекрасное небо, ощущаете воздух благословенных южных стран Европы; в другом терпите тягость приморской сырости или едва сносные жары”².

Самыми холодными месяцами на Дону были (и остаются) январь и февраль, когда морозы доходили до минус 25 градусов. Июль являлся самым жарким месяцем с наивысшей температурой в полдень более плюс 40 градусов. “В апреле, мае, сентябре и октябре, – отмечал тот же Сухоруков, – погода самая умеренная и благоприятная. Ясных дней в сие время бывает гораздо более, нежели пасмурных; напротив, в ноябре, декабре и марте число пасмурных и сырых дней превышает ясные дни более, нежели вдвое”³.

Ветры были частыми гостями на казачьей земле. В декабре-феврале они дули, в основном, с востока и юго-востока. Весной же господствовали преимущественно западные ветры, сменяемые часто восточными. Летом, когда в сравнении с зимой и весной, ветры утихали, над донскими просторами господствовали западные ветры. Иногда на донскую землю налетали разрушительные ураганы. В исторических актах отмечены страшные ураганы, пронесшиеся

² Сухоруков В. Д. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. С. 2.

³ Там же. С. 47.

над нижним Доном 22 марта 1811 и 17 июня 1820 годов, принесшие огромные разрушения и потопившие много судов и лодок, стоявших в низовьях Дона⁴.

Не обходило донскую землю стороной и такое нетипичное для степной зоны бедствие, как землетрясение. Исторические хроники зафиксировали октябрьское землетрясение 1762 года и мартовское 1816-го, принесшие разрушения казачьей столице Черкасску (станции Старочеркасской).

Однако в целом природа наделила казачью землю благоприятным климатом и изобилием. «Богатый Дон (казаки говорили, что у него золотое дно), – отмечал Василий Сухоруков, – леса, степи были для них естественными хранилищами жизненных потребностей; в первом – рыба, в последнем звери, птицы, плоды водились и росли в таком множестве, что изобилие оных вошло в поговорку. Наши предки говаривали: “Кормит нас, молодцов, Бог: подобно птицам, мы не сеем и не собираем хлеба в житницах, но всегда сыты”.

И в самом деле, леса и степи Дона изобиловали древесными плодами, вкусными ягодами и съедобными кореньями. Здесь произрастали персики и вишни, орехи и тутовые деревья, яблоки и груши. Позже появились смородина, малина, крыжовник. Водились здесь и грибы: сморчки, белянки, опята, грузди... В дуплах вековых деревьев рои трудолюбивых пчёл заботливо копили богатые запасы чистейшего целебно-душистого мёда. В густых зарослях и роскошных травах водились свирепые волки, хитрые лисицы, трусливые шакалы, благородные медведи. Высокие и сочные травы обильно питали многочисленные стада лосей, зубров, оленей, сайгаков, диких лошадей. Степь наполнилась и кишела ядовитыми змеями, которых никто не уничтожал. Из пернатых в изобилии водились орлы, соколы, ястребы, филины. Повсюду носились стаи диких голубей, куропаток, журавлей, лебедей.

Из зелени в почете в казаков были лук и чеснок, перец и редька, горох и бобы, хрен и петрушка, турецкая жеруха и щавель. Позже на Дону появились огурцы, тыква, арбузы, дыни, картофель, редис.

Тихоструйные воды Дона и его притоков кишмя кишели рыбой: от огромных белуг и осетров с севрюгами до стерляди и белой рыбы. В этом благодатном крае легко было прокормить себя и верного спутника человека – коня.

Зимой донские степи замирали, становясь неприветливо-суровыми и опасными для всех ее обитателей. Только страшный рев и неистовый свист бурь, треск лютых морозов, да жуткий вой многочисленных голодных волчьих стай разносился по безлюдным и неласковым степям.

С началом весны здесь все оживало. Уставшая зима, отбыв положенное природой, уходила на север, а сюда под рокот и звон ручьев, под шорох, треск и грохот ледяных глыб с юга прилетали тучи разнообразной птицы, оглашая гамом и криками освобождающиеся от ледяных оков реки, озера, ерики. Немного позже, когда приходило настоящее тепло с Кавказа прикочевывали многочисленные стада оленей, коз, сайгаков, чтобы до осени блаженствовать на зеленых степях Дона.

⁴ // «Донские войсковые ведомости». № 6. 1860. С. 24.

3. Возникновение донского казачества

Стремительное появление донских казаков в южно-русских степях, их активное и мощное включение в политическую жизнь Приазовья и Причерноморья, так что всемогущий турецкий султан Сулейман Великолепный искал союзников для борьбы с ними, поставили перед исследователями ряд вопросов: действительно ли донские казаки появились в первой половине XVI столетия, когда о них имеются многочисленные документальные упоминания, или их предки жили здесь раньше, и можно ли утверждать, что донцы – это особый народ, живший на территории Дикого поля с незапамятных времен?

А может казаки появились здесь, как результат бегства в эти края русских, украинцев, белоруссов, татар и представителей других народов тогдашнего мира, искавших раздолье и свободу? В ответах на эти вопросы среди исследователей не было и нет единой точки зрения. Обратимся к некоторым из них. В середине XII столетия в Центральной и Восточной Азии проживали племена, носившие наименование “казачьих орд”. Наиболее значительная из них занимала земли от Байкала до Ангары. В китайских хрониках она именовалась “хакасами”, что, как считает казачий историк А. А. Гордеев, по мнению европейских ученых, равнозначно слову “казак”. По запискам, оставленным современниками “хакасы” или “казаки” принадлежали к индо – иранской расе. Они были белокуры и светловолосы, высоки ростом, с зелено-голубыми глазами, храбры, горды и в ушах носили кольца”⁵.

В русских летописях упоминается народ, называемый казаками. Так, в “Гребенской летописи или Повествовании об образе чудотворных пресвятыя Владычицы и приснодевы Марии... , составленной в городе Москве в 1471 году, говорится: “Там, в верховьях Дона, народ христианский воинского чина зовоми казаки, в радости сретяюще (встречая. – М. А.) его (великого князя Дмитрия Донского. – М. А.) со святыми иконами и со кресты поздравляюще ему о избавлении своем от супостатов и, приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквах своих”⁶.

В данном случае речь идет об участии казаков в Куликовской битве 8 сентября 1380 года⁷, * завершившейся победой русского воинства над татарами. Великий князь Московский, как сказано в этой летописи, казачье “воинство велми телесные дары обогатив и почтив, и по все лета уставя им казакам свое жалование”⁸. А донские казаки, как отмечает летописец, преподнесли князю Дмитрию Донскому икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребенской⁹.

Таким образом, из этих сведений видно, что донские казаки не только существовали к 1380 году, но и имели свою боевую организацию, храмы и иконы.

В XVII столетии Григорий Котошихин, подъячий Посольского приказа, в ведении которого находились донские казаки, говоря о происхождении донцов, писал: “А люди они порою москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя и запорожские казаки, и поляки и ляхи и многие из них московских бояр торговые люди и крестьяне, которые приговорены были к казни в разбойных и татинных и иных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон; и быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а случится им с чем-нибудь приехать к Москве,

⁵ Гордеев А. А. История казачества. Ч. 1. М., 1991. С. 16.

⁶ Цит. по: Быкадоров Ис. Ф. История казачества. Кн. 1. Прага, 1930. С. 86.

⁷ Даты до 1 февраля 1918 года даются по старому стилю. В отдельных случаях приводится старый и новый стиль (в скобках).

⁸ // «Донские войсковые ведомости». № 1. 1991.

⁹ Забелин И. Е. Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. Изд. 2. М., 1893.

и до них вперед никакова дела ни в чем не бывает никому, кто что ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаютца. И дана им на Дону жить воля своя”¹⁰.

Сами казаки в XVII веке свое появление на Дону связывали с протестом против усиления закабаления в Московском государстве. “Отбегаем мы ис того государства Московского, из работы вечныя, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых”, – писал на этот счет в “Исторической повести об Азовском “осадном сидении” талантливый казачий писатель есаул Федор Порошин в 1641 году”¹¹.

В XVIII столетии автор книги “Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова...” Г. З. Байер со ссылкой на византийского императора Константина Багрянородного пишет, что казаки “...в 948 году... жили в нынешней Кабарде..., где они от великого князя Мстислава... в российское подданство приведены были”, и добавляет, что прием в их ряды в последующие столетия беглых “россиян, поляков и других... не препятствует, чтоб казаков можно было почитать за древний... народ”¹².

Эту теорию в дальнейшем подхватили и развили многие исследователи России.

В. Н. Татищев, например, считал, что часть донцов ведет родословную от запорожцев, которые с князем Михаилом Вишневецким помогали царю Ивану Грозному в его борьбе с татарами за Астрахань, а потом обосновались на Дону, построив Черкасский городок. Самих запорожцев Татищев выводит из “черкес от Бештау”, поселившихся в 1282 году под Курском, а затем пришедших на Днепр и основавших здесь город Черкасы. Другая часть донцов, полагал Татищев, произошла от мещерских казаков, которых Иван Грозный перевел на Дон¹³.

Историк А. И. Ригельман (1720–1789), автор книги “История или повествование о донских казаках”, написанной в 70-х годах XVIII столетия, сообщает, что многие казаки в то время “считали себя природою не от московских людей”, а “только обрусевшими”, заявляя: “Я не москаль, но русский, и по закону, и по вере православной, а не природе”. Ссылаясь на труды уже упоминаемого нами византийского императора Константина Багрянородного, Ригельман пишет, что “начало казаков происходит со времени 948 году, от славного победителя татар Косака, и по его имени проименовалось воинство его казаками”¹⁴.

“Происхождение их не весьма благородно”, – писал о донцах великий русский историк Н. М. Карамзин, считая, что их предками являлись азовские казаки, “которые в XV веке ужасали всех путешественников в окрестностях Дона”, и беглые из России, которые “искали дикой вольности и добычи в опустевших улусах Орды Батыевой”. Далее Карамзин пишет, что казаки “составили один народ, который сделался совершенно русским, более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства. Казаки образовали христианскую республику”¹⁵.

Другой наш великий историк, Сергей Соловьев, считал, что донское казачество возникло в то время, когда из бурлящего русского общества стали выделяться “толпы людей, искавших приволья в степи”, и характеризует их как бродяг и разбойников.

Третий гигант русской исторической мысли, В. О. Ключевский, отметил, что “казачество составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей Руси; еще с конца XIV века казаками называли: наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и без определенного места жительства”¹⁶.

¹⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906. С. 135.

¹¹ Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. С. 68.

¹² Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оногo под Российскую державу. СПб, 1872. С. 79.

¹³ Татищев В. П. Лексикон Российский исторический... СПб., 1879. С. 267, 284.

¹⁴ Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1848. С. 3.

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского // Москва. № 11. 1989. С. 126.

¹⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. Пгг., 1920. С. 130.

Такой же точки зрения придерживался по этому вопросу крупный историк XIX века Н. И. Костомаров, считая, что казачество “тогда возникло, когда удельная стихия пала под торжеством самодержавия, оно было противодействием старого новому”¹⁷.

Особую позицию в вопросе происхождения донского казачества заняли донские историки XIX – начала XX веков.

Так, директор учебных заведений Войска Донского А. Г. Попов, автор книги “История о Войске Донском”, вышедшей в 1814 году в Харькове, считал, что казаки произошли от амазонок¹⁸.

Крупнейший донской историк XIX века В. Д. Сухоруков, касаясь этого вопроса, отмечал: “Надлежит верить Татищеву и Болтину, что имя “казак” стало известно в России от монгольских баскаков, кои, начальствуя в некоторых российских городах, имели при себе казаков для охранения своего и для других надобностей. Первое упоминание о наших казаках находим в 1444 года в Рязани... Собственно о донских казаках упоминается в первый раз в 1549 г.”¹⁹.

Донской историк XIX века В. Пудавов, написавший книгу “История Войска Донского и старобытность начал казачества”, вышедшую в Новочеркасске в 1890 году, считал казаков потомками древних славян, несших сторожевую службу у хазар в VIII–X столетиях и сумевших сохранить в течение шести веков свою веру, обычаи и боевую организацию²⁰.

“Основание Войску Донскому было положено тюркскими народами (Сары-Азман), – считал казачий историк зарубежья И. П. Буданов. – Кроме того, среди донских казаков было много черкесов, оставшихся на Дону, а также днепровских черкес, которые в отношении Москвы считали себя иноземцами. Было немало и калмыков”²¹.

Автор трехтомной “Истории казачества”, вышедшей в Новочеркасске в 1915–1918 годах, Евграф Савельев считал казаков особым народом и выводил их предков из необозримых глубин истории – от этрусков через скифов, сарматов, гуннов, хазар и славян²².

Русский историк П. П. Сахаров в обширной работе “К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры”, опубликованной в газете “Донские областные ведомости” за 1910–1911 годы, отмечал, что появление казачества – “явление не из старых”, но не ранее века, и что в этнически разнородной среде казачества преобладали русские.

Донской историк Ис. Ф. Быкадоров (1882–1957), автор “Истории казачества” и ряда других книг и статей по истории Дона, предков донских казаков выводил из черкасов, алан, чигов, хазар, славян и других народов “Кзакии”, уточняя, что происхождение донских казаков от населения Тмутараканского княжества – Кзакии устанавливается историческими данными²³. И добавляет, что “казаки представляли из себя отдельную от великорусской народность, имевшую единство лишь в религии и языке”²⁴.

Поэтическим оком увидел и отобразил в своем стихотворении “Дикое Поле” процесс образования казачества поэт Максимилиан Волошин:

...От Кремлевских былых благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Гольтьбу с тесноты да с неволи

¹⁷ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. СПб., 1903. С. 409.

¹⁸ Попов А. Г. История о Войске Донском. Кн. 1. Харьков, 1814. С. 1–2.

¹⁹ Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского // Дон. № 4. 1989. С. 151.

²⁰ Пудавов В. М. история Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. 61–78.

²¹ Буданов И. П. Дон и Москва. Кн. 1. Париж, 1954. С. 91.

²² Савельев Е. П. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1916.

²³ Быкадоров Ис. Ф. Указ. соч. С. 57.

²⁴ Там же. С. 102.

Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север – к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.

“Когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы... Это было точно необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городов, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против христианских хищников”, – высказал свою версию на возникновение казачества Н. В. Гоголь.

“История происхождения казаков, – отмечал историк казачьего зарубежья А. А. Гордеев, – до настоящего времени составляет один из неразрешенных вопросов. ... Среди различных теорий о происхождении казаков как более достоверную можно принять ту, что казачьи поселения были образованы вне пределов России, и в условиях, от нее не зависимых. Казачество возникло на основе бытовых условий, сначала отдельными лицами или группами, а затем дружинами, впоследствии превратившихся в племенные образования, хранившие свои бытовые казачьи особенности, а также и свое название – казаки”²⁵.

Для зарубежного казачьего историка XX века А. К. Ленинова неоспоримым является “наличие существования казаков, как казачьего народа уже в эпоху, связанную с нахождением половцев-куманов в степной полосе юго-востока Европы в 12–15 столетиях”²⁶.

Таким образом, анализ литературы по вопросу происхождения донского казачества позволяет сделать вывод, что до XVI века, считающегося официальной датой возникновения донского казачества, на Дону, на Диком Поле, проживало население, именуемое в документах то “бродниками”, то “казаками”. В XVI веке, когда на Руси резко усилился процесс закабаления крестьян, на Дон хлынула масса вольнолюбивого люда. Соединившись здесь с немногочисленным коренным населением, эти свободолюбивые беглецы и образовали то славное население, которое в дальнейшем получило название донские казаки.

Происхождение термина “казак”

“Происхождение слова “казак” и его значение, – писал историк А. А. Гордеев, – составляет один из неразрешенных вопросов. Основная трудность при решении вопроса сводится к тому: имеет ли слово казак расовое происхождение, или оно возникло под влиянием бытовых, исторически сложившихся условий. Большое количество существующих определений этого слова, наличие народов, носящих название казак или близкое к нему по созвучию, давало основание для того и другого предположения”²⁷.

Термин “казак” встречается в источниках, начиная с XII века, например, в “Тайной истории монголов” (1240 год). Он происходит, как считают историки, из тюркских языков, означая первоначально “одинокое, не связанное домашним очагом и семьей человека”²⁸.

²⁵ Гордеев А. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 4, 6, 15.

²⁶ Ленинов А. К. Донской казачий словарь-лексикон. Мюнхен, 1971. С. 207.

²⁷ Гордеев А. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 14.

²⁸ Сухоруков В. Д. Историческое описание // Дон. № 4. 1989. С. 157.

Одни исследователи считают, что слово “казак” состоит из двух монгольских: “ко” – броня, латы, защита и “зах” – межа, граница, рубить; то есть “казак” – защитник границы. Другие утверждают, что слово это имеет половецкий корень, означающий: “стража”, “передовой”²⁹.

У персов под словом “казак” подразумевался человек, состоявший на службе и получавший за это плату. У арабов “казак” обозначал всадника, сражавшегося за веру и закон пророка. Но под словом “казак” у многих восточных народов подразумевались различные предметы домашнего обихода, а также название птиц и зверей³⁰.

В “Справочной книжке императорской Главной квартиры” под названием “Казачьи войска” сказано: “Слово “казак” различными авторами толкуется различно: 1. от “косога” – народа Кавказского, 2. от “казар” – народа Скифского, 3. от “Касахии” – Закавказская область, упоминаемая Константином Багрянородным, 4. от “каз” – турецко-татарского слова означавшего “гусь”... 5. от именованья этим именем у татар бессемейных и бездомных воинов-бродяг, составлявших авангард татарских полчищ в XIV веке, 6. от именованья этим именем бухарцев – киргизского народа, 7. от значения этого слова на половецком языке – “страж”, “передовой”, но ни одно из этих толкований не может быть признано безусловно правильным”³¹.

²⁹ // «Казачий караул» (Чита). 30 марта 1991.

³⁰ Гордеев А. А. Указ. соч. Ч. 1. С. 15.

³¹ Казин В. Х. Казачьи войска. СПб., 1912. С. 5.

4. Образование Войска Донского. Казачьи городки и станицы

Формирование разрозненных казачьих групп в военно-политическую организацию, позже названную Войском Донским, происходило во второй половине XVI столетия. Историк В. Н. Татищев относил образование Войска Донского к 1520 году, правда, документы, которыми он располагал для обоснования своего утверждения, ныне, к сожалению, утрачены.

Донской историк Ис. Ф. Быкадоров, автор интересного исследования “История казачества”, считал, что “образование Донского Войска” независимой казачьей республики потребовало продолжительного времени и происходило в промежутке между 1520 и 1546 гг. В это время возникли в степной полосе поселения донских казаков – “зимовища” и “юрты”, но не существовало еще городков, т. е. укрепленных крепостей”³².

Примерно такой же точки зрения придерживается подавляющая часть историков, пишущая или писавшая на тему донского казачества.

“Зимовищами” у казаков назывались временные поселения. “Последние, – уточняет историк В. Сухоруков, – составляли только временный приют для казаков, по большей части зимний, состоящий из шалашей или землянок”³³. Несколько зимовищ, объединенных общей территорией, назывались юртом. В более поздние времена этот термин обозначал земельные владения казачьих станиц.

Чуть позже у казаков появились **станицы**. “Так, – отмечает Сухоруков, – называлось всякое общество казаков в деревянных избах или землянках, имевшее своего атамана”³⁴.

С конца XVII – начала XVIII века все казачьи поселения, кроме Черкасского городка (ныне станица Старочеркасская) стали называться станицами. Такое название сохранилось на Дону и ныне. В дальнейшем развитие казачьего хозяйства породило такое явление, как хутора, основывавшиеся вдали от станиц в степи или в местах охоты и разведения скота, “Жители хуторов, – отмечал историк Сухоруков, – несмотря на отдельное поселение их, суть граждане какой-либо станицы, в которой они ведомы по внутреннему управлению, обязаны исправлением всех общественных служб и повинностей”. Но это будет несколько позже, в XVIII веке, мы же снова вернемся в середину XVI столетия...

Казачьи городки появились на донской земле в середине XVI века. В 1549 году ногайский князь Юсуф жаловался Московскому царю Ивану IV на разбой донских казаков, отмечая, что они во главе с атаманом Сары-Азманом “на Дону в 3 и 4 местах городки поделали”³⁵. Где располагались эти городки, и как они назывались, князь не уточняет, но историки примерно установили их местонахождение и название. “Старинные иностранные карты и другие исторические данные, – пишет Ис. Ф. Быкадоров, – дают возможность сделать вывод, что этими казачьими городками были: Атаманский городок, близ устья р. Аксая; г. Красный Яр, верстах в 10–15 выше по реке Аксаю (был, возможно, вблизи устья Мишкинской балки, которая получила название по имени атамана Михайлы Черкашенина) и Раздоры Нижние в 15 верстах от Атаманского вверх по Дону, считая от устья Аксая. Последнее название ведет к заключению, что в то время существовали на Дону и Раздоры Верхние (Донецкие) в устье западного рукава Северского Донца”³⁶.

³² Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 125.

³³ Сухоруков В. Д. Статистическое описание... С. 130.

³⁴ Там же.

³⁵ Быкадоров Ис. Ф. Указ. соч. С. 126.

³⁶ Там же. С. 131.

Атаманский городок и Красный Яр к 1569 году были разрушены турками и больше не возобновлялись казаками. На месте Атаманского городка долгое время был разменный пункт, где казаки обменивались с татарами и турками пленными; здесь же встречали турецких послов, следовавших в Москву, и провожали московских дипломатов, едущих по поручению царя в Константинополь или в Крым.

В это время – 1570–1572 годы – на Дону возникло несколько новых городков, которые основали запорожские казаки, пришедшие сюда и осевшие между Раздорами Донецкими (Верхними) в устье Донца и Раздорами Нижними, близ впадения Аксая в Дон. Среди этих городков был и Черкасский, ставший впоследствии на долгие годы столицей донского казачества. По поводу его основания и названия в исторических документах говорится: “... Из призванных, по царскому повелению, с Днепра пяти тысяч запорожских казаков, под предводительством князя Вишневецкого, в 1569 году, когда турецкое войско для возвращения паки татарам отнятых у них россиянами царств приходили под Астрахань, большая часть осталась на Дону и построила себе в 1570 году особый городок, назвав оной Черкасский, по имени городка своего, на Днепре построенного”³⁷. К истории Черкасского городка мы еще не раз вернемся в нашем повествовании, ибо слишком большим был его вклад в общую историю донского казачества...

Другая группа казачьих городков возникла на Донецком острове, образуемом рекой Доном и двумя устьями Донца: здесь стояли Раздоры Верхние, Семикарокор, Кочеты, Бабий. Чуть выше острова располагался Ведерниковский городок.

В исторических документах 1593 года упоминаются четыре новых казачьих городка, поставленные “близко Азова, на Манычи, да в Черкасской и в Раздорах”³⁸. Этими городками были Раздорский (ныне станица Раздорская), Манычский, Черкасский и Монастырский.

Надо отметить, что устройство новых городков в ту пору было делом свободным. “Возможно, – поясняет донской историк Х. И. Попов, – что какой-либо наиболее удалой и энергичный казак или товарищество таких казаков во время своей молодежной “гульбы” встречали место, на котором с удобством можно было “всякий промысел чинить”. Это обстоятельство давало им мысль собрать вокруг себя несколько храбрых товарищей и устроить на этом месте свой стан. Таким образом, в случае удачи, организовывалась “станция” и устраивался городок”³⁹.

Как же выглядели первые казачьи городки?

Многочисленные документы и исследования позволяют реконструировать внешний и внутренний вид казачьих городков...

...Они представляли собой небольшие укрепления, обнесенные двойными плетнями или бревенчатыми стенами – внутренней и внешней – пространство между которыми плотно забивалось землей. Наружную стену обвешивали острыми колючками сухой акации. Небольшие пушки на стенах городков всегда готовы были дать отпор неприятелю. Внутри городка располагались землянки и бревенчатые избы, называвшиеся у казаков куренями, в которых жили донцы.

Казаки не особенно боялись, что враги разорят их городки: они быстро восстанавливали разрушенное, благо под рукой всегда были лес, дерн, земля. Вот почему в ответе крымскому хану, который грозил разорить на Дону все городки, казаки писали: “Зачем тебе так забиватца далеко? Мы люди небогатые, городки наши некорыстны, оплетены плетнями, а обвешаны тернами, а надобно их доставать твердо головами, на посечение которых у нас сильные руки, ост-

³⁷ Акты Лишина. Сборник документов. Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 212.

³⁸ Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов, 1912. С. 95

³⁹ Попов Х. И. Краткий очерк прошлого донского казачества. – Сборник областного Войска Донского статистического комитета (СОВДСК). Вып. 7. Новочеркасск, 1907. С. 49–50.

рые сабли и меткие пищали, а стад у нас конских и животинных мало, даром вам в путь забиватца”⁴⁰.

Численность донских казаков в XVI веке была невелика и составляла несколько тысяч человек. В 1604 году донцы, поддержавшие Лжедмитрия I, обещали прислать ему в помощь с берегов Дона 10 тысяч бойцов; значит, было кого посылать. Во время Смуты Дон оскудел казаками: часть ушла к Болотникову в его бунташное войско, часть подалась к самозванцам, так что к 1625 году численность казаков на Дону едва достигала пяти тысяч человек. После изнурительного Азовского “осадного сидения” на Донской земле оставалось не более восьми тысяч человек. К середине XVII столетия количество казаков достигло 12–14 тысяч. Ко времени подавления разинского восстания здесь проживало около двадцати тысяч человек⁴¹. К концу XVII столетия население Дона составляло примерно тридцать тысяч человек. Впрочем, точного числа казаков никто не ведал, ибо сами они с недоверием и подозрительностью относились к любой попытке государевых чиновников пересчитать их и их собственной “отчине”, почитая это прямым покушением самодержавной власти на исконные казачьи права и свободы.

Что касается числа казачьих городков на Дону, то до середины XVII века их можно было пересчитать на пальцах рук... К 1672 году их насчитывалось уже 48⁴². Большой приток на Дон великороссов и украинцев в 80-е годы XVII века резко увеличил число городков, которые кроме Дона, появились на Донце, Хопре, Медведице, Бузулуке, Северском Донце, Иловле. К концу XVII столетия число донских городков приблизилось к сотне⁴³.

⁴⁰ Акты Лишина. Т. 1. С. 110.

⁴¹ Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Птгр., 1923. С. 12–13.

⁴² Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. № 9. 1990. С. 151.

⁴³ Ригельман А. И. Указ. соч. С. 8.

5. Казачий говор. Одежда. Жилища. XVI–XVII веков

Как же выглядели, в чем жили и как одевались донские казаки в XVI–XVII столетиях? ... Как известно, в казачье братство вступали русские, украинцы, белорусы, поляки, турки, татары, калмыки, грузины, черкесы и представители многих других окрестных Дону народов, и это не могло не оказать своего влияния на формирование своеобразного типа донского казака. “Такое слияние разноплеменности”, – отмечал историк Сухоруков, – сделало в наружности донцов какую-то особенность и дало им, если можно сказать, собственную – казачью – физиономию, довольно отличительную от людей чисто русских. ... Казаки имеют сложение тела твердое, крепкое и здоровое, более дородны или дебелы, нежели сухи и сухощавы; лицом большею частью смуглы, с темными волосами. Обладают мощными физическими силами. Духом большею частью смелы, храбры и отважны; характером живы и веселы; в движениях проворны и легки”⁴⁴.

А вот уникальное описание донского казака Сергея Дмитриева, пойманного в Новгороде, сохранившееся в “Новгородских кабальных книгах” за 1599–1600 годы: “Ростом человек средний, лет в полтретятцать (25 лет. – М. А.), бороду бреет, усат, волосом рус, очи серы, верхнего зуба спереди половина вышиблена, у левой руки долонь у мизинца стреляна, в левом ухе серьга”⁴⁵. Этот казак, по всей вероятности, был из верховых городков, ибо верховцы отличались как раз сероглазостью и русыми волосами. Что касается низовых казаков (низовцами считались казаки, от Качалинского городка начиная), то они, по большей части, были брюнетами, черноглазыми и черноволосыми, остроглазыми...

Своеобразным был и язык казаков. “Язык на Дону смешанный, – писал Сухоруков, – и заключает в себе два наречия: велокороссийское и малороссийское, много испорченные и измененные... Кроме сего, много примешано слов татарских и калмыцких, относящихся к домашней утвари, конской сбруе». Другой донской историк Евлампий Кательников (1774–1854) в вопросе о языке и происхождении донских казаков считал, что «донцы-верховцы могут быть признаны в происхождении из той части России, где употребляют слова: што, чаго, яго и подобные им вместо: что, чего, его». Донцы-серединцы, по мнению Кательникова, больше подходят «к правильному русскому», а «донцы-низовцы... примечаются происходящими от России Малыя. Слова, до ныне употребляемые: хйба, нема, був и прочие то свидетельствуют».

Жили казаки первоначально в землянках, а потом стали строить деревянные дома, называвшиеся **куреньями**. Этот термин, как считают некоторые историки, происходит от монгольского куря – стойбище, круг; да и расположение комнат в таком доме шло по кругу, вокруг печки. Донские историки, занимавшиеся этой проблемой (Сулин, Быкадоров и др.) пришли к выводу, что курень “по типу постройки, безусловно, новгородского происхождения, и обычная окраска его в желтый цвет, установилась, вероятно, преемственно от новгородцев”⁴⁶.

Курени первоначально крылись чаканом, камышом, лубом или тесом, а позже железом. Вокруг дома шел небольшой балкончик – **балясник**. Внутри куреня насчитывалось не меньше трех комнат: стряпная, спальня, чистая или зала.

Казачьи курени в XVI–XVII столетиях были, как правило, деревянными, но по данным некоторых исследователей (Свиньин, Буданов), “некоторые городки имели каменные замки”⁴⁷. С XVIII века казаки строили и каменные дома-курени.

⁴⁴ Сухоруков В. Д. Статистическое описание... С. 107–108.

⁴⁵ Новгородские кабальные книги 7108 года (1599–1600). СПб., 1894. С. 55.

⁴⁶ Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 171.

⁴⁷ Буданов И. П. Указ. соч. С. 63.

Своеобразной была и одежда казаков. Дома, в обыденной жизни и в походах донцы носили “одежду домодельную”: зипуны, плащи, бурки, штаны, рубахи, кожаные сапоги, ремни... На дружеские пиры наряжались по-праздничному. Одни появлялись в роскошных лазоревых атласных кафтанах с частыми серебряными нашивками, дополнительно украшенными жемчужными ожерельями. Другие щеголяли в камчатых (шелковая плотная ткань с узорами) или бархатных полукафтанах без рукавов и темно-гвоздичных зипунах, опушенных голубой камкой с шелковой, гвоздичного цвета нашивкой. Многие казаки одевались в камчатые кафтаны с золотыми турецкими пуговицами и серебряными с позолотой застежками. Лазоревый зипун дополнял наряд. На ногах казаков красовались сафьяновые сапожки, а на головах – куньи шапки с бархатным верхом. Впрочем, известный казачий историк и писатель П. Н. Краснов писал, что были у казаков “шапки из курпея с суконным шлыком”, а “обувь была разная – ... лапти, поршни и сапоги”.

Широкий шелковый турецкий пояс-кушак с заткнутыми за него ножами придавал донцам внушительный вид. Все были вооружены: кто русской пищалью, кто персидской саблей с турецким луком-саадаком, кто рогатиной с пистолетом, а кто и всем сразу.

Многие казаки предпочитали басурманскую одежду русской, ибо эта одежда, широкая и просторная, не стесняла движений, была удобной в быту (дома) и в бою.

Что касается одежды донских атаманов, то, судя по описи 1630 года, когда в Москве по приказу царя арестовали казачью легковую станицу, атаман одевался в золотой кафтан с серебряными пуговицами, атласный или шелковый халат, из такой же ткани штаны; зимой к этому наряду добавлялась теплая шуба на куньем или другом столь же ценном меху.

Женская одежда была похожа на турецкую и татарскую. Как одевались казачки в первой половине семнадцатого века, точно не известно; с большой степенью достоверности можно судить об одежде донских казачек со второй половины семнадцатого столетия.

Но об этом мы расскажем в последующих главах.

6. Территория Всевеликого Войска Донского. XVII век

Примерно с 1572 года разрозненные казачьи группы объединяются, образовав мощную военно-политическую организацию (республику) под названием Войско Донское (или Всевеликое Войско Донское). По поводу термина “Всевеликое Войско Донское” известный донской исследователь С. Г. Сватиков писал: “Некоторые историки думают, что это был титул, данный царями за отличия. На самом деле Собор писал всему Войску, всей Донской колонии, а не отдельной части ее. ... Всевеликое Войско означало в XVII веке все Войско Донское, находящееся в сборе”⁴⁸.

Другой донской историк И. П. Буданов, касаясь этого же термина, отмечал в своей книге “Дон и Москва”: “Слово “великое” есть подлинный и признанный Москвою титул Войска Донского; оно есть выражение признательности и уважения как со стороны самого Московского царя, так и со стороны освященного собора и всей земли, ибо измученные и истощенные как тиранией предшествующих царей (Ивана IV, Бориса Годунова), так и многолетней междоусобицей, а также вторжением внешнего врага, население почувствовало всю благодать вооруженной казачьей интервенции. И с другой стороны, почему слово “великое” в отношении донского и других казачьих войск Москва стала прилагать только после Смутного времени, до этого же времени она не употребляла”⁴⁹.

Столицей Войска Донского с момента его образования – “Главным Войском” – стал Верхний Раздорский городок. Главное Войско пребывало здесь до 1620 года, когда столицей Дона стал Монастырский городок, располагавшийся на правой стороне Дона между Аксаем и станицей Старочеркасской. С 1637 по 1641 годы главным казачьим городком был отбитый у турок Азов. В 1642–1644 годах казачья столица вновь переехала в Монастырский городок, после гибели которого в 1644 году Главным Войском на 161 год стал Черкасский городок (с 1644 по 1805 гг.). Последней столицей казачьего Дона был Новочеркасск (1805–1919 гг.).

Территория, занятая в то время донскими казаками, определялась бассейном Дона, кроме его верховий, и бассейнами Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Пространства, лежащие за Доном, к югу, были пустыни, там до 1784 года кочевали ногайцы, западной границей казачьей территории долгое время было устье реки Аксай, откуда границы Войска Донского простирались до реки Калмиус. Выход в Азовское и Черное моря запирала мощная турецкая крепость Азов. На севере границы земли донских казаков тянулись до устья рек Богучар и В. Ворона, где несколько позже возникли городки Богучар (1615 г.), Хоперский и Пристанский.

⁴⁸ Сватиков С. Г. Россия и Дон. Белград, 1924. С. 60.

⁴⁹ Буданов И. П. Указ. соч. С. 80–81.

7. Органы власти у казаков. XVI–XVII вв.

Своеобразной была структура власти у донских казаков того времени...

Высшим законодательным органом у них являлся Круг. Происхождение этого термина объясняется тем, что при обсуждении своих дел казаки собирались в круг, в центр которого выходили атаман, есаул и другие “начальные люди” донских казаков, пользовавшихся уважением за свое удальство, силу и ум. В исторических документах само выражение “казачий круг” появляется в 1554 году, когда донские казаки, “сведав, что царь Иван Грозный задумал поход на Астраханское ханство, приговорили в своем кругу вспомоществовать ему”⁵⁰. Всеобщий войсковой Круг собирался обычно раз в год, весной, в Главном Войске.

Принимать участие в Кругах имели право только казаки не моложе 16,5 лет. Все остальные категории донского населения – **работные люди, зажилые бурлаки, тумы** (дети казаков и восточных женщин) – не допускались в Круг, равно как и женщины, которых в XVI – начале XVII веков практически не было на Дону. Лишались возможности быть в Кругу **пенные** казаки, то есть те, кто провинился перед Войском и на кого наложена пеня. Непременным условием для участия в Круге была трезвость: пьяных казаков с позором изгоняли из Круга, накладывали на таких пеню.

Как высший законодательный орган, Круг решал важнейшие вопросы казачьей жизни: объявление войны, заключение мира, посылка вспомогательных войск на службу к государю, прием царских, султанских, шахских, ханских и прочих посольств, отправление собственных, казачьих послов в Москву и к окрестным правителям; в компетенцию Круга также входили церковные и монастырские дела, выбор войсковой власти, прием и изгнание из рядов казачества, занятие новых земель и основание городков (станци), разрешение земельных споров между казаками и станицами (городками), женитьба и развод, суд над главными преступниками, прежде всего над изменниками казачьему делу. Предателей обычно казнили, надев на голову мешок и кинув в Дон: “В куль да в воду!” ... За более мелкие преступления принародно секли на майдане или забивали в колодки и бросали на отсидку в сырой подвал.

Как же проходили казачьи Круги?

... По звуку колокола на майдан со всех сторон городка стекались казаки. Когда их собиралось достаточное для проведения Круга количество, появлялся казачий предводитель – атаман со знаком верховной власти – булавой – в руке. Одновременно в Круг вносился бунчук – символ общевойскового достоинства, состоявший из длинной ореховой палки с серебряным с позолотой шаром, из которого выпускались белые лошадиные волосы (символ свободной воли). Помощник атамана – есаул в это время громко возглашал: “А ну помолчи, атаманы-молодцы, атаман наш войсковой трухменку гнет!” Атаман снимал в знак уважения перед казаками трухменку (высокую барашковую шапку), и все со священником читали молитву, после чего начиналось обсуждение, которым руководил войсковой атаман. Из уважения к Кругу донцы решали все вопросы стоя.

Одобрив какое-либо решение на Кругу, казаки кричали: “Любо!” Если что им не нравилось, то раздавались крики: “Не любо!” Утвержденные решением большинства постановления Круга становились законом, выполнить которые обязан был каждый казак. Ослушников ждало строгое наказание.

Каждый казачий городок управлялся своим Кругом. Если на нем принимались спорные решения, не устраивавшие одну из сторон, то спор этот переносился на разбирательство войскового Круга, решение которого считалось окончательным.

⁵⁰ Савельев Е. П. Войсковой Круг, как народоуправление на Дону. Новочеркасск, 1918. С. 2.

В таком виде казачьи Круги просуществовали вплоть до эпохи Петра Первого (начало XVIII века), когда прерогативы Круга были значительно сужены. Но об этом мы расскажем в последующих главах книги.

Исполнительная власть принадлежала войсковому атаману. Термин этот одни исследователи образуют с тюркского языка и трактуют, как “вожак”, “главарь”, “предводитель”; другие историки считают, что слово это польского происхождения – “гетман”; скандинавского “Headman” или немецкого “Hauptman” – старший, главный человек⁵¹. Иной точки зрения в этом вопросе придерживался известный казачий историк Исаакий Быкадоров, который писал: “Атаманами (ватаманами) еще в XVI веке назывались предводители ватаг (станци) новгородских ушкуйников, промышлявших по рекам Каме и Волге и морям – Балтийскому, Белому и Хвалынскому (Каспийскому)”⁵².

Самое раннее по времени упоминание слова атаман относится к 1460 году, когда оно встречается в грамоте белозерского князя Михаила Андреевича.

Выборы атамана проходили, как известно, на Кругу. Обычно разные группы казаков выдвигали своего вожака из наиболее авторитетных и доблестных сотоварищей. Когда завершались споры по выдвижению кандидатов на пост атамана, есаул возглашал: “А любо ли вам, братья-казаки, избрать атаманом нашим... (и называл имя, отчество или прозвище казака). Если названный казак подходил по своим достоинствам на столь высокий пост, то донцы мощно кричали: “Любо!” или: “Не любо!”, – если он им не нравился.

Первым донским войсковым атаманом, известным по историческим документам XVI века, был **САРЫ-АЗМАН**. О нем известно немного. Н. М. Карамзин в своей “Истории государства Российского” по этому поводу кратко заметил: “Казаки гнушались зависимостью от магометанского царства, ...и в 1549 году вождь их Сарыазман, именуясь поданным Иоанна, строил крепости на Дону”. Более подробные сведения о первом известном донском атамане даются в грамоте ногайского князя Юсуфа, датированной 1550 годом, на имя царя Ивана Грозного. В ней говорится: “Холопи твои, некто Сарыазман словет на Дону в трех и в четырех местах города поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут, да забирают, иных до смерти бьют”⁵³. Иван Грозный дипломатично ответил возмущенному князю, что “те разбойники, ... живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут. Вы бы сами велели их переловить и к нам прислали, а мы приказали бы их показнить”⁵⁴.

Кто же такой Сары – Азман, откуда родом, как жил и чем знаменит? На эти вопросы точно ответить невозможно, ибо документы, которые позволили бы это сделать, исчезли в пучине сурового времени, осталось одно только имя первого донского атамана – Сары – Азман... Да и имя ли это?... Донской дореволюционный историк Е. П. Савельев пишет, что “Сарыазман – слово персидское, бывшее в употреблении у ногайцев и означающее “удальцы”. Вот одним из таких удальцов и был первый донской атаман. Историк С. Щелкунов, опубликовавший основательный очерк о происхождении казачества и первых службах донцов России, называет Сары-Азмана “татаринном – мусульманином”, добавляя, что “Сары-азман – личное имя или прозвище”. Более определенную точку зрения на сей счет высказали ростовские ученые Н. С. Коршиков и В. Н. Королев. “Сары-Азман, – считают они, – возможно, был татаринном, азовским или мещерским, но мог быть и русским, носящим татарское прозвище”.

Вторым известным по документам донским войсковым атаманом был **СУСАР ФЕДОРОВ**, имя которого упоминается в исторических документах в связи с взятием царем Иваном

⁵¹ Большая Советская энциклопедия. (30-е гг. XX в.). Т. 3. Стлб. 730.

⁵² Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 153.

⁵³ Савельев Е. П. Средняя история казачества. Ч. 2. Новочеркасск, 1916. С. 218.

⁵⁴ Там же.

Грозным в 1552 году Казани, когда Федоров возглавил здесь донских казаков. Что касается столь странного для православного человека имени – Сусар – то уже упоминаемый нами донской историк Евграф Савельев пояснял, что “на Дону крестили свои, выборные, священники и давали крещаемым свои казацкие имена, нисколько не справляясь со святцами, да у них их и не было. Эти имена древле казацкие. Таковы Сусар, Ермак, Ермачко, Молчан, Смага, Дружина, Замятня, Путила, Безсон, Дороня и многие другие”⁵⁵.

Сусар Федоров отличился в штурме Казани, и с тех пор сведения о нем исчезают из исторических документов. Имена последующих донских казаков **Федора Павлова, Андрея Шадры, Ляпуна** появляются в русских документах периода взятия Астрахани и присоединения Астраханского царства к русской державе (1554–1556 годы); все они приняли активное участие в этих событиях. После взятия Астрахани имена Павлова и Ляпуна исчезают из исторических документов. Атаман же Шадра, о котором упоминает в своей “Истории Российской” В. Н. Татищев, с тремя сотнями доблестных единомышленников ушел с Дона в кумыцкие степи за Терек и в устье реки Акташе основал городок под названием Андреев⁵⁶, положив начало гребенскому казачеству⁵⁷. Историки по разному определяют причины ухода Шадры на Терек. Евграф Савельев считал, что Шадрю вытеснил с Дона Ермак со своей дружиной, что “у Ермака вышли раздоры с Андреем. Партия его была сильней, и он гнал Андрея вверх по Дону, до нынешней Нагавской станицы, где Дон делает поворот с северо-восточного направления на запад”⁵⁸. Другие исследователи полагают, что отряд Шадры потерпел кораблекрушение и спасшиеся казаки поселились в Кавказских горах, “заселили здесь в одном пустынном городке, укрепились в нем и, пополнив число выбывших товарищей новыми пришельцами, назывались гребенскими казаками”⁵⁹. К 1580 году Андрей Шадра государевым указом был переведен на Терек, к Терскому городку, “и вместе поселенными здесь стрельцами и отрядом донских казаков стал родоначальником терских казаков”⁶⁰.

Донской атаман 1570 года **Михаил Черкашенин** происходил, по всей вероятности, из запорожских казаков, на что указывает его произвище – “Черкашенин”, “черкас” – запорожский казак. В 60-е годы XVI столетия он возглавлял казачьи отряды, опустошавшие причерноморские турецкие крепости, в том числе и Азов. Чтобы заставить Черкашенина отказаться от нападений на Азов, турки и татары, организовав засаду, захватили в плен его сына Данилу. Узнав об этом, Черкашенин во главе сильного и мобильного отряда казаков скрытно подобрался к Азову и в результате энергичной атаки сумел овладеть частью его укреплений. В плен к Черкашенину попал шурин турецкого султана Сеин со свитой из двадцати человек. Однако вызволить своего сына Черкашенину не удалось и он был казнен в Азове. В период атаманства Михаила Черкашенина у донцов сложились хорошие взаимоотношения с царем Иваном Грозным, который с 1570 года стал платить казакам жалованье “за их службы” на юге Московского государства. В годы Ливонской войны (1558–1583) атаман Черкашенин во главе трехтысячного отряда донских казаков явился на поля сражений и успешно бился с немцами, “оказывая чудеса храбрости”, что отметил даже Н. М. Карамзин в своей “Истории государства Российского”. Атаман Черкашенин погиб при обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория в 1581 году⁶¹. Его гибель оплакана в русской исторической песне “Смерть Михайлы Черкашенина”, в которой он почему-то назван “атаманом польским”.

⁵⁵ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 287.

⁵⁶ Татищев В. Н. История Российская. Кн. 1. Ч. 2. М., 1767. С. 363.

⁵⁷ Броневский. История донского войска. Ч. 1. СПб., 1834. С. 61–63.

⁵⁸ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 241.

⁵⁹ // «Донские епархиальные ведомости». 1887. № 8–9. С. 311.

⁶⁰ Там же. С. 312.

⁶¹ Гордеев А. А. Указ. соч. Ч. 2. М., 1991. С. 67.

Следующим атаманом этого периода был **НИКИТА МАМИН**, имя которого впервые упоминается в грамоте царя Ивана Грозного от 17 августа 1571 года. Историк В. Д. Сухоруков по этому поводу писал: “В 1570–1576 годах Иоанн искал у султана мира, но гордый Селим, несмотря на неудачный поход его войск (имеется ввиду гибель султанских войск в задонских степях во время похода 1569 года под Астрахань. – М. А.) и несчастье, Азову приключившееся, замыслил новую войну с Россией и возбудил крымского хана к нападению на пределы оной с многочисленной ратью. Казаки усугубили разъезды свои по степям крымским и, сведав о намерении хана идти с огнем и мечом на Россию, известили об этом Иоанна и воевод его, но не могли спасти Москвы, которая весной 1571 года обращена хищным Девлет-Гиреем в пепел... Чрез два или три месяца после того Иоанн послал в Азов казачьего атамана Никиту Мамина с каким-то тайным поручением”⁶². В чем состояла истинная цель посольства Мамина в Азов, неизвестно, точно так же, как неизвестна дальнейшая судьба этого атамана.

Имя последующего донского атамана – **Ивана Кишкина** – появляется в переписке 1584 года между царем Федором Иоанновичем и турецким султаном. Вступив на престол после смерти Ивана Грозного, его сын, царь Федор Иоаннович, отправил в Константинополь послание султану, в котором выразил желание жить с ним в мире и дружбе. Султан, выражая в ответном послании царю благодарность за желание мирных отношений, требовал пресечь враждебные действия донского атамана Ивана Кишкина, который “с товарищи, живут под нашим городом Азовом и по азовским урочищам людей наших теснят и многие убытки чинят”. В конце послания султан добавлял, что если царь “сведет” с Дона казаков во главе с атаманом Кишкиным, то он обещает унять от нападений на русские окраины азовцев, крымцев и ногайцев. Но Федор Иоаннович и не думал “унимать” Кишкина, который верно служил ему и являлся противовесом волжскому разбойному атаману Юшке Несвитаеву, ограбившему государева посла Дмитрия Благово, но разгромленного в отместку за это Иваном Кишкиным. Осенью 1586 года царь вызвал Кишкина в Москву и наградил “великим... жалованьем да поместьем...” С этого момента след лихого атамана теряется. Может он, покинув вольных казаков, мирно жил и тихо скончался в подаренном ему государем поместье, а может нашел славную смерть в одной из многочисленных схваток с турками или татарами, и тело его приняла древняя донская земля, за которую он, не жалея, лил свою и чужую кровь...

В документах конца XVI века (1592–1599) встречаются фамилии нескольких атаманов, наиболее известным из которых был **Семен Воейков**. По происхождению он вел свою родословную от известного дворянского рода⁶³, а на Дон попал, спасаясь от царской опалы. Здесь он выдвинулся и к 1592 году стал атаманом, укрепившись в Раздорском городке. Появившийся в начале 1592 году на Дону государев посол Григорий Нащокин, следовавший в Азов, Кафу, и Константинополь, встретился в Раздорах в Воейковым и велел собрать казаков в Круг. На нем посол зачитал царскую грамоту, в которой донцам за регулярное жалованье деньгами, хлебом, вином, селитрой, свинцом и ядрами предлагалось заключить мир с азовцами. Некоторые казаки возражали против заключения перемирия, говоря, что в азовском плену сидят многие их товарищи. Но Воейков, поддержанный атаманом Вышатай Васильевым, уговорил казаков согласиться на это предложение государя. Эта поддержка стоила Вышате Васильеву жизни, ибо возвратившиеся из похода казаки обвинили его в измене делу казацкому и утопили в Дону, несмотря на сопротивление его сторонников. Эта казнь своего же товарища, свершенная на глазах царского посла Нащокина, отрезвила казаков. Они повинились перед послом и согласились помириться с азовскими турками, что и было сделано при посредничестве опытного в дипломатическом деле Нащокина.

⁶² Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1988. № 5. С. 154.

⁶³ Скрывищев Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 136.

Из донских атаманов конца XVI века известны еще **Василий Жигулин, Иван Нос, Василий Кабан, Прокофий Трубчанин, Степан Ершов, Никита Болдырь, Афанасий Севостьянов, Иван Трубецких**. Последний из них происходил из дворян...

...Избранному большинством голосов атаману вручались знаки атаманского достоинства – *булава* и *насека*.

Булава как знак начальнической власти становится известной в Европе с десятого столетия. Сохранилось, например, известие, что на печати франкского короля Лотаря (954–987 гг.) было выбито его изображение со скипетром в одной руке и с шестопером (разновидность булавы) в другой. Запорожские казаки впервые получили знаки атаманского достоинства от польского короля Стефана Батория, который в 1576 году послал в знак благодарности за помощь против татар гетману запорожцев Богдану Ружинскому булаву, бунчук и войсковую печать.

Булава донских атаманов состояла из ореховой палки длиной в три аршина (1 аршин = 71 см) с серебряным шаром на конце. Разновидностью булавы являлся шестопер – палка с шестью щитиками-перьями на конце.

Атаманская *насека* представляла собой длинный жезл с серебряным набалдашником, на котором делались насечки по числу избранных атаманов.

Войсковой атаман обычно избирался на один год, после чего его могли вновь избрать или заменить новым. Бывший атаман возвращался в среду рядового казачества, хотя и продолжал иметь определенный вес и авторитет среди товарищей. Избранному на Кругу атаману казаки беспрекословно повиновались. “Куда наш атаман взор кинет, туда мы свои головы бросим!” – говаривали казаки и шли в огонь и воду за своим предводителем.

Ко второй половине XVII века власть войскового атамана заметно усилилась. “Войсковой атаман, – отмечал историк Сухоруков, – был прямой начальник казаков во дни мира и брани; к его обязанностям относились дела разного рода по внутреннему управлению: он мирил ссорящихся, защищал обиженных, разделял царское жалованье между казаками, принимал посланцев турецких, татарских и калмыцких, вел с ними переговоры предварительно, а потом передавал на суждение Круга”⁶⁴.

У казаков существовала нерушимая традиция, согласно которой если войсковой атаман отправлялся во главе казачьего посольства в Москву, то он, обычно, терял свое звание. Это объяснялось традицией борьбы против московского влияния способом аннулирования обязательств, лично данных войсковым атаманом в Москве.

Каждый казачий городок имел своего атамана, а атаман Главного Войска (казачьей столицы) являлся по традиции заместителем войскового атамана. Имелись у донцов и походные атаманы, избиравшиеся на время похода и слагавшие свои полномочия по его окончании.

Самостоятельно и свободно донцы избирали своих атаманов вплоть до эпохи Петра Первого, когда в этом отношении наступили резкие перемены.

Ближайшим помощником войскового атамана являлся *есаул*, избиравшийся, как и атаман, на Кругу. Сам термин “есаул”, как считают многие исследователи, – тюркского происхождения. “По тюркско-татарско-монгольски, – пишет историк Исаакий Быкадоров, – ясаул от глагола ясаху и в буквальном переводе значит распорядитель, исполнитель. Значение есаулов при атаманах соответственно современному значению начальника штаба”⁶⁵. Донской историк И. П. Буданов пишет, что слово “есаул” тюркского происхождения, что должность эта была “и у Тамерлана, и у турецкого султана и крымского хана. ...Была должность есаула и у башкир”⁶⁶.

⁶⁴ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1990. № 10. С. 153.

⁶⁵ Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 155.

⁶⁶ Буданов И. П. Указ. соч. С. 44.

В обязанности есаула входило открытие Круга, вручение вновь избранному атаману знаков его власти и достоинства и вообще всяческая помощь верховному руководителю донцов. Интересно, что если атаман *зимовой станицы* (посольства), отправляющийся в Москву, избирался всеобщим казачьим Кругом в Главном Войске, то есаула выбирали казаки зимовой станицы.

Есаула, как и атамана, могли переизбрать, после чего он возвращался в среду рядового казачества.

Для принятия решения по текущим делам войсковой атаман собирал на совет опытных, храбрых и уважаемых казаков. Это было началом зарождения **казачьей старшины**. «Название старшины, – пишет Сухоруков, – в первый раз упоминается в 1649 году в донесении дворянина Андрея Лазарева в Посольский приказ, где слово старшины употреблено вместо атаманы»⁶⁷. Первоначально в старшины принимали исключительно по личным заслугам, а потом, во 2-й половине XVIII века, в старшины стали записывать малолетних сыновей атаманов или заслуженных старшин. В 1754 году казакам запретили производить в старшины без ведома Военной коллегии. При императоре Павле I донская старшина получила жалованное дворянство.

В структуру исполнительной власти донцов входили *войсковой дьяк* (писарь) и *войсковой толмач* (переводчик). Писарями, как правило, являлись попавшие в ряды казачества великороссы или украинцы, знавшие грамоту, ибо своих школ на Дону не было почти до середины XVIII столетия (кроме монастырских школ). Отписки с Дона обычно составлялись вместе советом атаманов и старшин, а нередко и всем Кругом. В. В. Сухоруков писал, что казачьи отписки, по сравнению с царскими грамотами, отличались ясностью мысли при лаконизме и сжатости формы. В них всегда точно излагалась суть событий, а не форма, в том время, как в московских грамотах одна и та же идея «жевалась» несколько раз. При этом казачьим отпискам не чужды были сравнения, юмор, противопоставления, и, нередко, образные выражения.

Из всего этого историк Буданов делает вывод, что «Войско Донское имело свое правительство, пусть ... еще несовершенно, но оно было правительство, ибо отдавало указы и приказы, которым подчинялись на всей земле казачьего присуду; оно налагало «пеню», т. е. у него была своя юрисдикция. У Войска Донского было и «войска куренная», т. е. своего рода штаб. У него было «войска морская», «войска судовая», «войска конная», «пешие люди», была даже сабля Войсковая.

Документы, исходившие из Главного Войска, скреплялись печатью, на которой был изображен гордый вольнолюбивый олень, «уязвленный» стрелой. По краю печати сверху шла надпись: «Елень поражен стрелою». Скачущий олень с вонзенной в него стрелой символизировал казака, убегающего от неволи вглубь степей Дикого Поля. Другое толкование этой печати выражалось так: «Даже если всех казаков пронзят стрелы врагов, они твердо будут стоять, защищая свое Отечество». В 1704 году казаки получили новую печать с изображением обнаженного казака верхом на бочке, но об этом мы расскажем подробнее в следующей главе.

Имелись у казаков и свои знамена – символы доблести казачьей.

Первое знамя, полученное донскими казаками за боевые успехи, было послано из Москвы на Дон 18 марта 1614 года⁶⁸ первым государем из династии Романовых Михаилом Федоровичем, в избрании которого на российский престол донцы сыграли одну из решающих ролей. Знамя привез на Дон дворянин Опухтин. Это знамя казаки получили не за содействие Романовым в их утверждении на престоле российском, а за подвиги, свершенные в боях за освобождение России от самозванцев и поляков, пытавшихся поработить эту великую страну. В царской грамоте, приложенной к знамени, подчеркивались мотивы пожалования донцам

⁶⁷ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1990. № 10. С. 151.

⁶⁸ // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 60.

этой награды и добавлялось, что знамя даруется для того, чтобы было “с чем против недругов стоять и на них ходить”. Казаки торжественно приняли это знамя, велел по всем часовням петь молебны, и стрелять из пушек и пищалей. В 1643 году знамя это сгорело в часовне Монастырского городка во время неожиданного ночного нападения турок и татар и гибели городка.

Следующее знамя, дарованное казакам за великие подвиги их при взятии и обороне Азова от турок и их союзников в 1637–1641 годах, донцы получили в 1644 году. Это было красное знамя с лазоревой опушкой и государственным гербом России – двуглавым орлом. Надпись на нем гласила: “Повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея России самодержца и при государеве сыне царевиче и великом князе Алексее Михайловиче писано сие знамя на Дон донским атаманам и казакам лета 7152 августа 27 день”⁶⁹.

В 1646 году донцы получили кармазинное (красного сукна) знамя с зеленой опушкой за разгром ими сильного войска крымского сераскира Нурадына на реке Кагальник 4 августа 1645 года. Вокруг изображения двуглавого орла на знамени шла надпись: “Повелением великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца и многих государств государя и обладателя, писано сие знамя на Дон, донским атаманам и казакам 7154 года”. При этом государе донцам было пожаловано еще одно знамя, выполненное из тафты и имеющее изображение льва с палашом. Оно было вручено за подвиги на Азовском и Черном морях, свершенное казаками в беспокойном 1672 году.

Единственное знамя получили донские казаки от царя Федора Алексеевича. Это произошло в 1679 году и вручили его донцам за участие двухтысячного отряда во главе с атаманом Михаилом Самарениным в разгроме турок и татар под Киевом и Чигирином в 1678 году. На этом знамени, ныне не сохранившемся, был изображен крест с насекой и копьем; с правой стороны креста виднелось солнце, слева – луна. Сверху креста шла надпись: “Иисус Назаретянин Царь Иудейский”, а снизу: “Сие знамя великий государь пожаловал атаману и всему Войску Донскому при победе на врагов Божиих и противящихся на мя; лета 7182 января в 22 день”.

Богатой дарениями Войску Донскому знамен была и эпоха Петра Первого, но об этом в следующей главе...

⁶⁹ Исторический очерк о регалиях... С. 136.

8. Зимовые и легковые станицы (посольства)

С 1570 года у донских казаков установились дружеские взаимоотношения с московским государем Иваном IV Грозным, который прислал им жалованье, состоящее из денег, селитры, свинца, сукна, хлеба, вина, ядер. За получением жалованья с Дона в Москву казаки, обычно раз в год, на зиму, отправляли *зимовую станицу*. А для поддержания постоянной связи с Москвой по несколько раз в год к государю отправлялись *легковые станицы* (посольства).

Число казаков, входивших в состав зимовой станицы, колебалось от 120 до 150 человек, которые принародно избирались на казачьем Кругу. Поскольку поездка в Москву была связана с различными привилегиями и льготами для ее участников, то попасть в состав зимовой станицы стремился каждый казак. Воеводам пограничных с Доном городов царским указом вменялось в обязанности проверять количество казаков, следовавших в Москву, и возвращать на Дон лишних, против положенного числа, казаков. В случае, если этим “лишним” казакам удавалось прорваться окольными путями до Москвы, им запрещалось выдавать жалованье и кормовые, которые отпускались в Москве не только на все время пребывания там казаков, но и на дорогу в оба пути.

Во главе зимовой станицы стоял атаман, выбранный на казачьем Кругу. Очень часто зимовые станицы возглавляли войсковые атаманы, терявшие по традиции свой высокий пост. Заместителем станичного атамана избирался есаул. Документом, подтверждающим полномочия зимовой станицы, являлась войсковая проезжая грамота, скрепленная казачьей печатью.

Путь в Москву в ту пору занимал от трех до пяти недель, в зависимости от погоды, времени года и состояния дорог. Летом к столице ехали по рекам до Воронежа, оттуда на лошадях до Москвы. Зимой путь лежал через степь до Валуйки, далее на Оскол, Ливны, Дедилов, Тулу, Серпухов⁷⁰.

По приезде в Москву казаки прежде всего направлялись в Посольский приказ, тогдашнее министерство иностранных дел, в непосредственное ведение которого они были переведены с марта 1614 года. В посольском приказе тогда существовало два отдела. В первом чиновники занимались приемом иностранных послов, перепиской с иноземными государями и другое. Чиновники второго отдела ведали делами крупных областей Московского царства, которые до недавнего времени были самостоятельными государствами (Казанское, Астраханское ханства и др.). Первоначально донские казаки были “прикреплены” к первому отделу, то есть фактически Дон признавался самостоятельным государством⁷¹. Затем они были переведены в ведение второго отдела.

В Посольском приказе атаман станицы подавал дьяку приказа войсковую грамоту и челобитную царю. После этого казаков размещали на постой в Замоскворечье, на Ордынской или Пятницкой улицах, по четыре человека в каждом дворе⁷².

Поскольку донское посольство в то время, как мы упоминали, приравнивалось к иностранным посольствам, в назначенный заранее день казаки удостоивались аудиенции у государя. Она, обычно, проходила в Малом тронном зале. Дьяк Посольского приказа, как правило ведущий прием, возглашал: “Вам, великому государю, вашему царскому величеству донские казаки и станичный атаман их челом ударили!” Казаки низко кланялись царю, после чего допускались к государевой руке. “Великий государь, – продолжал далее дьяк, – его царское величество жалует атаманов и казаков и все Великое Войско Донское и велел спросить о здо-

⁷⁰ Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношения Москвы с Крымом на рубеже XVI века / В кн. «Известия АН СССР». Историческая серия. Л., 1932. № 3. С. 234.

⁷¹ Буданов И. П. Указ. соч. С. 61

⁷² Русская историческая библиотека. Т. XXXIV. СПб., 1913. С. 250.

ровье и службу вашу милостиво похваляет». Затем ответное слово произносил атаман зимовой станицы, после чего казаков приглашали к роскошному царскому столу отведать государевых угощений. Расторопные слуги обносили смущенных казаков сладкой романеей, расставляя серебряные блюда с птицей и прочими изысканными яствами. Во время обеда атаману, есаулу и всем казакам станицы в отдельности преподносили в качестве подарков сабли, деньги, тафту, сукно, соболей. Атаман получал еще и жалованный серебряный ковш или пищаль редкой работы. В более поздние времена атаману донской зимовой станицы на период его пребывания в Москве отпускалась лошадь с царской конюшни.

В течение нескольких зимних месяцев казаки зимовой станицы несли охрану при государе, выполняя и другую не менее почетную службу. Весной, получив богатое жалованье, зимовая станица отбывала по половодью на Дон. Возвращавшимся с долгожданным жалованьем «зимовейцам» казачьи городки, лежавшие на возвратном пути, салютовали ружейными выстрелами. Дележ государева жалованья происходил в условленный день в Главном Войске – казачьей столице.

Кроме зимовой станицы, по два-три раза в год, а иногда и чаще, с Дона в Москву отправлялись с различными поручениями и известиями легковые станицы, состоявшие из атамана, есаула и 15–40 казаков. В Москве им оказывались такие же почести, как и казакам зимовых станиц. Такая форма связи донцов с московским правительством просуществовала до эпохи Петра Первого.

«Государево» жалованье донским казакам. XVI–XVII вв.

Как отмечалось, царское жалованье было одним из источников существования донских казаков. Еще в XVI столетии за службу на юге России: прием и проводы царских послов, добытие сведений о намерениях турок и татар, ногайцев и калмыков отдельные отряды казаков получали от царей Ивана Грозного и Федора Иоанновича жалованье. Н. М. Карамзин отмечает, что жалованье в виде хлеба, денег, вина, пороха, свинца, серы, ядер, холста, сукна поставлялось казакам в 1571, 1584, 1592, 1593, 1594 годах⁷³.

С начала XVII столетия царское жалованье выдавалось более регулярно и всему Войску Донскому в целом. Сначала казаки получали жалованье в Москве, потом базой отпуска донского жалованья стал Воронеж, откуда его на бударах сплавляли в низовье Дона, в казачью столицу Черкасск. Однако и в XVII веке были годы 1613, 1617–1618, 1620, 1626–1627, 1629–1631, 1636, 1670, когда донцы по разным причинам не получали жалованья.

Дележ государева жалованья производился в казачьей столице. В начале XVII столетия оно делилось примерно на две тысячи казаков, в середине этого же века на пять тысяч, а во второй половине XVII века оно распределялось на семь-восемь тысяч казаков⁷⁴. Одним из главных продуктов, в котором остро нуждались казаки, являлся хлеб, на Дону в то время не выращиваемый. Размеры хлебных поставок на Дон в первой половине XVII века доходили до 200 тонн, увеличившись к концу этого столетия до 500 тонн⁷⁵. В XVIII веке эта цифра значительно возросла. Выдача хлеба казакам прекратилась только в начале XIX века, когда Дон в изобилии производил собственное зерно.

К концу XVII века донцы получали примерно следующее жалованье: 5 тысяч рублей, 430 половинок гамбургского сукна стоимостью по 5 рублей 50 копеек за половинку, 230 пудов ружейного и пушечного пороха, 115 пудов свинца, 10 пудов железа, 6500 четвертей (1 четверть

⁷³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. СПб, 1843. Стб. 73. Примеч. 348.

⁷⁴ Загоровский В. П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // «Из истории Воронежского края». Воронеж, 1961. С. 137.

⁷⁵ Там же.

= 210 литрам) ржаной муки, 600 ведер вина⁷⁶. В дальнейшем размер жалованья был значительно увеличен в связи с ростом казачьего населения.

Одной из статей доходов у казаков был выкуп за пленных турок, татар, ногайцев и представителей других народностей. Сумма эта часто достигала внушительных размеров, если в плен попадал знатный турок или татарин. Например, за взятого в плен на Азовском море в 1615 году Измецкого пашу казаки получили 30 400 золотых. Крупную сумму заработали они и на азовском паше Мустафе, попавшем к казакам в плен в период Смутного времени.

⁷⁶ *Лебедев В. И.* Булавинское восстание. М.-Л., 1934. С. 26.

9. Походы казаков. XVI–XVII вв.

Существенным источником дохода для казаков являлись морские и сухопутные походы...

...Как только казачья разведка доносила, что татарские конные отряды воровским обычаем хлынули на разорение многострадальной Украины или на окраинные городки Великороссии, несколько сот отважных донцов тотчас бросались на броды и переправы, устраивая неожиданные и эффективные нападения на ошеломленного такой дерзостью противника. Неприятель, как правило, бежал, оставляя казакам награбленное в набеге добро и пленников.

Часто казаки и сами совершали стремительные нападения на Крым или враждебные ногайские улусы. Скрытые мраком ночи или ненастной погодой, донцы, как правило врасплох, обрушивались на врага. Освободив пленников и захватив боевые трофеи, они прорывались сквозь мусульманские кочевья, оставляя врагов в неведении и страхе.

Небольшие, но сплоченные партии храбрецов – от пяти до пятидесяти человек – пускались в рискованные походы к турецкому Азову или к ногайцам на реку Куму. Удальцы “шарили” на конях по степи, отыскивая сакму – след неприятеля, по которому они удивительно точно определяли количество вражеских всадников, направление их движения, время прохождения их на определенном участке Дикого Поля.

Если удавалось обнаружить противника, численно превосходящего их, то нападали казаки на него, как правило, ночью или в дождливую, ненастную погоду, когда так приятно сидеть в теплой кибитке или шатре и так не хочется воевать и умирать на холодной, мокрой земле!.. Нападали всегда стремительно и неожиданно... Короткая рукопашная схватка, яростные крики, звон сабель, пистолетные выстрелы! И вот уже разгоряченные боем победители уходят в степь, оставив на земле кровавые следы и трупы, уводя с собой пленных, лошадей и отбитых у врага русских полоняников. Высокий ковыль, густые кустарники, лес – были верными союзниками казаков...

В стремлении разгромить врага казаки не знали преград. Реки они преодолевали вплавь, держась за гриву верного коня. Одежда и оружие переправлялись на плотно связанных пучках сухого камыша, которые донцы быстро мастерили на месте. Этот способ переправы, заимствованный у азиатских народов, казаки называли переправой на салах.

Каждый отряд донских казаков возглавлялся походным атаманом, которому они беспрекословно подчинялись. “Большие рати, – поясняет историк Василий Сухоруков, – обыкновенно делились на сотни и полусотни, вверяемые командованию есаулов, сотников и пятидесятников. Чины эти, как и походный атаман, избирались самим отрядом пред выступлением в поход, а по возвращении слагали свои звания”.

Получив за свершение успешных сухопутных походов почетное прозвище “степные рыцари”, донские казаки, тем не менее, больше любили морские походы, будучи отличными мореплавателями. Упреждая турецкие и татарские набеги, казаки сами нападали на Анатолийское побережье Турции, доходя до Константинополя, совершали продуманные и эффективные походы на Крым – это разбойничье гнездо хана, откуда на Русь ежегодно обрушивались грабительские набеги конных орд.

Хотя казаки и раньше ходили в морские походы, но первым документальным свидетельством о походе в Азовское море являются указы турецкого султана Сулеймана Великолепного, датированы 1552 годом и опубликованы во Франции в 1976 году⁷⁷. В течение второй половины XVI – в начале XVII веков казаки активно совершали походы в Азовское и Черное моря, держа в страхе турок и татар.

⁷⁷ Известия СКНЦВШ. Общественные науки. 1987. № 1. С. 27.

Начиная с двадцатых годов XVII столетия, активность казаков резко возросла, походы в Крым и Турцию следуют один за другим. Эти походы чрезвычайно раздражали турецких султанов и крымских ханов. Султан Мурад II, перед могуществом и силой которого в страхе склонялись многие европейские государи и владетели азиатских стран, говорил: «Ненависть всех христианских народов не мешает мне спать, но казаки причиняют мне бессонные ночи»⁷⁸. И чтобы бессонных ночей было меньше, султан распорядился перевести военный флот в Черное море. Но и это не спасало его державу от стремительных и мало прогнозируемых ударов казачьих флотилий.

Как же совершались казачьи походы?

Задумав очередной морской поход, казаки к весне создавали в своей столице двух-трехтысячный отряд удалцов. Отплытие на «поиски» (так называли казаки свои походы) сопровождалось благоговейными торжествами. Отправлявшиеся в поход и провожавшие их родственники собирались у старинной часовни, служили обедню, пили прощальный ковш вина или крепкого меда и отправлялись на пристань, откуда на стругах уходили вниз по Дону, к негостеприимному и опасному Азовскому морю. Грустная песня «Ты прости, ты прощай, Тихий Дон Иванович,» – негромко лилась над присмирившим, словно перед бурей и грозой, Доном. Провожающие, грустно помахав вслед уплывшим казакам руками и платками, возвращались к пиршественному столу, чтобы «погладить» дорожку своим ушедшим собратям.

Суда, на которых донские казаки выходили в море, строились без палуб. Острые с кормы и носа, струги имели от 50 до 70 футов длины⁷⁹. Снаружи лодки тщательно конопатились, обильно высмаливались и для большей надежности обвязывались лычными, сплетенными с боярышником, веревками от кормы до носа. Для прикрытия от неприятельской ружейной стрельбы к обводной веревке казаки привязывали толстые камышовые снопы, крепко стянутые поперек.

Все казачьи струги снабжались двумя рулями – с носа и с кормы – чтобы не терять времени при полном развороте. В хорошую погоду, при попутном ветерке, ставились небольшая мачта с поднятым на реи прочным парусом, который влек струг вперед. При противоположном и боковом ветре донцы спускали парус и дружно брались за весла, которых на каждом струге насчитывалось от 16 до 40. Каждая казачья лодка вмещала 60–100 бойцов.

Запас продуктов, который казаки брали с собой в поход, состоял из нескольких бочонков пресной воды, сухарей, проса, соленой рыбы, сушеного мяса. Водку, вино и любые другие спиртные напитки брать в поход запрещалось: нарушителей этого неписаного закона сурово наказывали (вплоть до утопления), ибо трезвость почиталась у казаков первой необходимостью при свершении столь важных дел, каким считались походы против недругов земли русской.

В поход казаки уходили, как правило, в ветхой, малопривлекательной одежде, чтобы лишить неприятеля соблазна поживиться их одеждой, если не дай Бог, придется пасть в неравном бою. В отличие от казаков, турки всегда богато наряжались, нацепляя на свои роскошные и дорогие одежды алмазные и золотые украшения. У казаков же даже на оружии, которое они любили и всегда гордились им, не имелось украшений. Сверкающие на солнце клинки сабель перед походом казаки замачивали в солевом рассоле, чтобы появилась ржавчина, и чтоб «на ясном железе в море глаз не играл», как выражались донцы. Вооружались казаки пистолетами, ружьями, саблями, луками, ножами, ятаганами. На стругах в уключинах крепились мелкие пушчонки, весьма эффективные в ближнем бою.

Интересной и своеобразной являлась тактика морского боя, которой в течение многих столетий своей истории придерживались казаки. При нападении на прибрежные города про-

⁷⁸ Акты Лишина. Т. 3. Новочеркасск, 1894. С. 280.

⁷⁹ // Отечественные записки. Ч. 20. 1824 год. С. 68.

тивника донцы старались действовать скрытно и стремительно, смелым и быстрым натиском захватывая приморские крепостицы и селения. Если же встречались превосходящие силы неприятеля, казаки благоразумно уклонялись от боя, столь же стремительно, но в полном порядке, отступая к морскому побережью. В устьях неглубоких рек они топили свои струги и быстро рассыпались по побережью небольшими группами, договариваясь встретиться в условленном месте в заранее определенное время. Как только опасность проходила, казаки встречались в обусловленном месте, поднимали лодки и продолжали поход.

На хорошо вооруженные многопушечные и многопалубные корабли с сильной и опытной командой казаки старались нападать ночью. Но, если волей обстоятельств, приходилось схватываться с кораблями-исполинами днем, то донцы старались атаковать противника со стороны солнца, создавая тем самым себе преимущества, а неприятелю помеху. Казачьи лодки быстро окружали турецкий корабль со всех сторон сразу и стремительно шли на абордаж. Начиналась рукопашная схватка, в которой казакам не было равных: недаром турки называли их “самыми храбрыми и страшными из врагов”.

Освободив несчастных галерников и забрав на корабле оружие и ценные трофеи, казаки пускали судно на дно. Как ни жалко им было расставаться с такими прекрасными судами, но управлять многотонными исполинами донцы не умели, да и провести низкосидящие корабли мимо турецкого гарнизона Азова по мелководью в Дон было практически невозможно. На дно! И мощные суда на глазах экипажа и казаков со страшным свистом и шумом уходили в мрачную пучину моря.

Похоронив в море павших товарищей, казаки поворачивали струги к родным берегам, к своей столице Черкасску, где их давно и с нетерпением ожидали жены, дети, отцы, матери, братья и сестры. Живо и красочно представил себе эту картину казачий поэт Николай Туроверов:

Весь город ждет, и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
И в ожиданьи там и тут
Гуляет пенистая кружка.
А старики все у реки
Глядят толпой на половодье.
Из-под Азова казаки
С добычей приплывут сегодня.

И вот уже обветренные солеными волнами казачьи струги один за другим чалят у старого, много повидавшего, причала. Казаки, разодетые в прекрасные одежды – время пришло! – под гром литавр и песенные мелодии сходят на берег в ореоле победителей. Среди гама и шума слышится ружейная пальба, с короткими интервалами громыхали с городских бастионов пушки, которым весело вторили легкие пушчонки с казачьих стругов. Встречались отцы с сыновьями, братья с сестрами, мужья с женами и матерями. Слезы, объятия, поцелуи!..

А потом был молебен в часовне и всенародное гулянье на майдане. Счастливицы, вернувшиеся из нелегкого похода, рассказывали о своих приключениях, боях и яростных схватках, где было все: и радость побед над басурманами, горечь утрат дорогих сотоварищей, которым никогда уже больше не увидеть голубого неба, не вкусить в кругу милых сердцу людей добрую чару вина, не обнять осиротевших детей и любимую жену!..

На майдане среди радостных криков слышались и горестные причитания: то казачьи вдовы оплакивали своих мужей, сложивших свои косточки на далекой туретчине или безвозвратно сгинувших в бездонной пучине Черного моря.

10. Семейные отношения у казаков. XVI–XVII вв.

На пленницах казаки часто женились, хотя семейная жизнь не была в то время в почете у них. В XVI веке на Дону редко встречались семейные казаки: слишком суровыми являлись условия для создания нормальной семьи, да и хозяйства казаки не вели, все время проводя в походах и боях.

Картина семейной жизни изменилась в XVII веке, особенно в его второй половине. Народонаселение Дона к этому времени значительно увеличилось, была обеспечена большая, чем век назад, безопасность проживания, казаки стали заниматься хозяйством и обзаводиться семьями, растя продолжателей своего рода и дела.

Венчание в те времена проходило, в большинстве случаев, без посредничества церкви, ибо мало было на донской земле священников, а первые храмы появились только в середине XVII столетия, когда в Черкасске казаки построили деревянный собор во имя Воскресения Христова. О женитьбе достаточно было объявить народу, для чего жених и невеста приходили на казачий Круг, кланялись поясно во все стороны, и жених-казак, принародно обращаясь к будущей супруге, говорил, называя ее по имени: “Ты, Катерина, будь мне женой!” Невеста, поклонившись ему в ноги, смиренно ответствовала: “А ты, Михайла, будь мне мужем!”

– Любо ль, атаманы-молодцы, благословить новых мужа и жену? – спрашивал казаков атаман и первым кричал: “Любо!”

– Любо! – поддакивали ему казаки, и брак, свершенный таким образом, считался действительным. Со времен Петра I браки на Дону освящались исключительно церковью, и только церковный брак считался настоящим, законным.

Развод в попетровское время на Дону производился так же просто, как и женитьба. Если казак по каким-то причинам уже не нуждался больше в супруге, он вел ее на войсковой Круг, где в присутствии своих сотоварищей говорил:

– Друзья! Верные товарищи мои казаки! Я некоторое время имел женой Катерину, она была мне услужливой и верной женой, но теперь она мне боле не жена, а я ей не муж! Кто из вас ее желает, пусть возьмет себе в жены. Мне ноне все едино...

После таких слов казак снимал свою руку, и недавняя супруга становилась чужой женщиной, **разведенкой**. Любой из присутствующих на Кругу казаков, что часто и случалось, мог тут же взять ее в жены. Для этого достаточно было прикрыть ее полый своего кафтана – снимая позор развода – и произнести полагающиеся в подобном случае слова.

Конечно, переходя из рук в руки, женщина в те далекие времена мало ценилась и уважалась казаками, и положение ее соответственно являлось незавидным. Жизнь замужней казачки обычно ограничивалась кругом семьи и знакомствами с соседками. При встрече с казачком женщина в любом случае должна была уступить ему дорогу, не забывая при этом кланяться мужчине-воину. Но это не значит, что в среде донских казаков не было счастливых полнокровных семей: были, и об этом говорят документы тех далеких лет...

Воспитание детей, особенно мальчиков, у донских казаков преследовало одну цель: сделать из казачонка воина, способного встать на защиту родного Дона и матушки-России.

Новорожденному “на зубок” родственники и знакомые приносили пули, у изголовья младенца клали саблю, пистолет, лук и ружье: приобщайся к ремеслу воинскому, казачок! Постоянно слыша от родных и близких людей разговоры о походах, боях и войнах, наблюдая это в практической жизни, малолетки-казачата и говорить начинали не со слов “отец” и “мать”, а со слов “пу” – стрелять и “чу” – ехать на коне. Трехлетние казачата уже умели ездить на лошади по двору, а пятилетние бесстрашно и умело скакали на лихом дончаке по улицам казачьего городка.

Довольно своеобразными являлись обычаи и нравственность казаков того времени и представляли, как отмечает историк Василий Сухоруков, “смесь добродетелей и пороков, свойственных людям, которые жили войною и грабежами. Жадные к добычам, свирепые в набегах на земли неприятельские, казаки в своем общежитии были привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровства между собою; но грабеж на стороне и особливо у неприятелей был для них вещь обыкновенною. Религию чтили свято. Трусов не терпели и вообще поставляли первейшими добродетелями целомудрие и храбрость. В наказаниях за преступления казаки были жестоки. В куль да в воду была главная казнь за измену, трусость, убийство и воровство; она есть утопление в реке человека, завязанного в мешке”⁸⁰.

⁸⁰ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1988. № 9. С. 108.

11. Развитие торговли на Дону. XVI–XVII вв.

Издrevле занимались донские казаки торговлей, которая приносила им немалый доход. Характерно, что с Азовом, с которым у донцов не утихали кровавые столкновения, они, несмотря на это, поддерживали довольно тесные торговые связи. Например, из документов 1592 года и последующих лет видно, торговать в Черкасский городок из Азова приезжали “торговые люди”, а казаки ответно ездили в Азовскую крепость. Оживленная торговля велась у донцов и с ногайцами: торговали пленниками, лошадьми, скотом. Но наиболее важной и интенсивной являлась торговля с московскими “торговыми гостями”.

Имеются сведения, что за участие в покорении Астрахани и Казани донцы получили от Ивана Грозного право на беспошлинную торговлю, но документов об этом, датированных ранее 1592 года, не сохранилось⁸¹.

При царе Борисе Годунове это право по ряду причин было аннулировано и восстановлено только в сентябре 1614 года. “И мы вас, атаманов и казаков, – говорилось в этой грамоте царя Михаила Федоровича, скрепленной красной государственной печатью, – за ваши многие к нам службы пожаловали: велели вам в наши украинные (пограничные. – М. А.) города со всякими вашими товарами и без товаров к родимцам вашим ездить и повольно торговати всякими товарами; и по городам к воеводам нашим и всяким приказным людям о том от нас писано, чтоб они вам и товарищам вашим в города с товарами и без товаров ездить велено повольно”.

В грамоте от 30 декабря 1618 года царь подтвердил это право, напомнив воеводам окраинных городов, чтобы они позволяли казакам торговать всякими товарами.

На продажу “московитам” казаки предлагали редкий товар ясырь – пленных турок, татар, черкешенок, турчанок и представителей других соседних народов, с которыми донцам приходилось часто схватываться. Товар этот казаки поставляли на Русь вплоть до начала XVIII столетия. Кроме ясыря продавали лошадей, различные предметы военной добычи, а несколько позже – трофеи звериного и рыбного лова: соленую и вяленую рыбу, зубровые и лосиные шкуры, меха выдры, бобра, соболя, черной лисицы. Сами же донцы покупали для себя пшеничную и гречневую муку, овес, пшено, горох, циновки, холст, сермяжное сукно, юфть, шубы, бумагу, восковые свечи, таганы, связки железа, мыло, решета, сита, гвозди и многие другие необходимые в быту товары. Продуктом первой необходимости являлась для казаков соль, которую они привозили первоначально из походов в турецкие и татарские земли. С середины XVII столетия казаки стали самостоятельно добывать ее отчасти в Маньчских озерах, а в большей степени в районе устья реки Тор, где вскоре возник Бахмутский городок. “Маноцкую” соль в конце XVII века казаки брали за 6 алтын и 4 деньги за пуд; “горская” стоила 2 рубля за бочку, вмещавшую десять пудов⁸².

Торговля производилась обычно таким образом... Как правило, из порубежных российских городов с разрешения тамошних воевод на Дон отправлялась артель торговцев. За право торговли воеводы брали мзду деньгами, товарами, но лучшим подарком для них были донские скакуны. На Дон торговцы везли, как уже упоминалось, хлеб, вино, мед, сукна, сапоги, а обратно – рыбу, меха, лошадей, ясырь...

⁸¹ Сухоруков В. Д. Историческое описание... Изд. 2. Новочеркасск, 1903. С. 85.

⁸² Лебедев В. И. Булавинское восстание. С. 24.

12. Земледелие на Дону. XVII столетие

До конца XVII донцам запрещалось заниматься хлебопашеством, чтобы “воинскому делу помещки не было”. Однако, некоторые историки считают, что причина запрета заключалась в другом. Донской историк И. П. Буданов пишет по этому поводу: “Против занятия казаками земледелием были другие причины... политического характера... Если бы на Дону было свободное земледелие, т. е. когда земледелец работает на себя, когда результат его труда является его собственностью, а не попадает в карман царя, князя, боярина, то переход подневольных крестьян из соседних уездов к казакам был бы неудержим, и такие жалобы от помещиков-дворян уже были: “Как казаки учнут пашню”, и крестьяне усиленно бегут от помещиков. Свободное земледелие на Дону было бы началом краха крепостничества на Руси, ибо при сравнении крепостного земледелия и вообще крепостного труда со свободным ни в каком случае крепостной труд на Москве долго удержаться не мог бы: она должна была бы или раскрепостить крестьян, или же объявить открытую войну Дону. Кроме того, неимение казаками своего хлеба было самым сильным и могучим средством давления Москвы на иностранную, а потом уже и на внутреннюю политику Войска Донского, так как лишение хлеба касалось всего донского населения... Москва, желая добиться от Войска своего, часто намеренно останавливала на Воронеже погруженный для Дона хлеб и угрозой голода вынуждала казаков принимать выгодное для Москвы решение того или иного вопроса”⁸³.

Но, несмотря на запрет, земледелие на Дону мало-помалу развивалось, и к началу XVIII века запрет был снят, развитию земледелия открылась свободная дорога.

Охота и рыболовство на Дону. XVI–XVII вв.

Охота и рыболовство играли довольно существенную роль в пропитании казаков, а для донцов, живших в низовьях своей великой реки, рыба являлась одним из главных предметов торговли.

Дон в ту пору был весьма богат рыбой. Изобилие рыбное объяснялось, главным образом, ежегодным ее приходом из Азовского моря в Дон для метания икры. После нереста часть старой рыбы и молоди оседала в гирлах Дона, где всегда отмечался особо хороший лов. Обилие рыбы в период событий Азовского “осадного сидения” 1637–1641 годов дало казакам возможность не ощущать особого недостатка в продуктах питания. Когда же турки, заняв в 1642 году Азов, перегородили устье Дона огромными сетями, условия рыбной ловли для казаков резко ухудшились. Отсюда у них “случилась хлебная скудость”, ибо не было рыбы, чтобы обменять ее у приезжих купцов на хлеб.

Впрочем, в таких случаях казаков выручал своими запасами Дон-батюшка, в котором ловились белуги, осетры, карпы, лещи, стерляди, окуни и прочая рыба. Иногда в сети попадались гигантские особи осетров и белуг. Так, в журнале путешествия Петра I из Москвы до Азова в 1699 году написано, что “его величество изволили подарить вице-адмиралу Крюйсу полбелуги: рыба так называемая, которую 488 человек три дни ели, и такого хорошего вкуса, как свежая телятина”⁸⁴.

Что касается охоты, то для ее проведения казаки объединялись в особые партии и на лошадях месяцами промышляли зубров, бобров, выдр, лосей, оленей и различную птицу в лесах, по рекам и на взморье. Излишки звериного промысла шли на обмен с приезжими куп-

⁸³ Буданов И. П. Указ. соч. С. 139.

⁸⁴ Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крюйса по пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи // «Записки гидрографического департамента морского министерства. Ч. 8. СПб., 1850. С. 374.

цами, которые охотно брали мясо диких зверей, битую птицу, звериные шкуры, яйца диких птиц, оставляя казакам взамен хлеб, одежду, различное оружие.

13. История церкви на Дону. XVI–XVII вв.

Донские казаки, хотя и являлись христианами, но долгое время (весь XVI и первую половину XVII вв.) не имели собственных храмов. Правда, как мы упоминали в первой главе книги, в “Гребенской летописи или повествовании об образе... Владычицы и приснодевы Марии...”, составленной в Москве в 1471 году, говорится о том, что в 1380 году казаки имели собственные храмы⁸⁵. Но каким святым были посвящены эти храмы (как назывались) и где находились неизвестно. Впрочем, донской историк Ис. Быкадоров писал в своей “Истории казачества”, что “церковь в Раздорах Донецких существовала уже в XVI столетии, как это можно судить по вкладу, сделанному княгиней Сицкой в память князя Георгия Сицкого”⁸⁶.

Достоверно известно, что в конце XVI – начале XVII веков в Раздорах Верхних появилась первая часовня. О появлении таких же часовен в Черкасском и Монастырском городках упоминается в документах 1614 года. “У низовых донских казаках, – пишет историк Быкадоров, – часовни около середины столетия XVII столетия существовали во всех городках”. Богослужение в этих часовнях отправляли преимущественно вдовы священники и иеромонахи. В часовне Монастырского городка, например, служили иеромонахи из Запорожской Сечи. Священническое освящение донское духовенство получало в Киеве или Москве.

В течение долгого времени донские казаки не имели своего епископа и, соответственно, епархии. Первоначально территория Дона частью входила в Рязанскую епархию (Червленький Яр, Хопер, Воронеж, вплоть до р. Дон), а частью – в Сарайскую.

Сарайская (или Сарская) епархия была основана в городе Сарай на Волге (отсюда название) в 1261 году митрополитом Кириллом Сарайским и служила посредником между митрополитом Московским и Вселенским Царьградским патриархом. До середины XV века донские казаки в церковном отношении подчинялись епископу Сарайскому (Сарскому), к титулу которого было прибавлено – “Подонский”. В середине XV века Сарайский епископ Вассиан перенес свою кафедру в Москву, поселившись в Крутицах; с этих пор он стал именоваться епископом (затем митрополитом) Крутицким.

С конца XVI – начала XVII веков территория Дона в церковном отношении была подчинена непосредственно патриарху Московскому и Всея Руси. Интересно, что один из патриархов начала XVII века **Гермоген** (1530–1612 гг.), как отмечает историк А. А. Гордеев, “был донским казаком”⁸⁷.

По всем церковным надобностям казаки отныне обращались непосредственно к патриарху, правда, через Посольский приказ. Они просили святейшего владыку то о рукоположении в священники лиц, избранных на казачьем Кругу, то о написании икон для своих часовен, то о поправке обветшалого переплета Евангелия, то об отливке колоколов, присылке антиминсов, церковных книг, то о разрешении восстановить храм (например, в Азове, после взятия его у турок в 1637 году) или просили благословения и средств на постройку храма в стольном казачьем граде Черкасске.

Интересен перечень икон, которым особо поклонялись донские казаки. К ним относились иконы Иоанна Предтечи (вспоминание об Азовском “осадном сидении”), Архангела Михаила (покровителя воинов), Николая Чудотворца, Алексея, человека Божия, Тихона, Чудотворца и архидиакона Стефана.

Взаимоотношения казаков с церковными властями в разное время складывались по-разному. К 1630 году дело дошло, например, до того, что на Дон пришла опальная грамота, в

⁸⁵ *Быкадоров Ис.* Указ. соч. С. 86.

⁸⁶ Там же. С. 169.

⁸⁷ *Гордеев А. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 124.

которой содержалось патриаршее отлучение донцов от церкви за неисполнение ими государевых наказов жить в мире с турками и татарами и за убийство царского посла на Дону⁸⁸. Казаки уперлись и ответили тем, что запретили своим священникам поминать, как того требовали правила богослужения, во время божественной литургии патриарха и московских митрополитов. И только с 1687 года на Дону, в церквях, во время большого выхода казацки священники стали поминать о здравии святейшего патриарха Московского и Всея Руси⁸⁹.

Первым, известным по достоверным историческим документам, храмом Дона являлся деревянный собор во имя Воскресения Христова, построенный в Черкасске, который с апреля 1644 года стал казацкой столицей.

Еще в период Азовского “осадного сидения” 1641 года казаки дали обет, что если Господь Бог поможет им успешно отбиться от несметных полчищ “султана турецкого”, то они в благодарность построят храм во имя Воскресения Христова. Победа сопутствовала донцам, но храм так и не был ими заложен. Моровое поветрие, посетившее Дон в 1649 году, заставило казаков вспомнить о своем обете, и они спешно послали в Москву, к патриарху Иосифу (1642–1652) зимовую станицу, прося святейшего владыку послать им благословенную грамоту на строительство церкви. В апреле 1650 года патриаршая грамота прибыла на Дон. А царь послал свое жалованье для начала строительства Дома Господня. “Пожаловали мы вас по вашему челобитию, велели послать к вам нашего жалованья на церковное строение 100 рублей и книги... и ризы и иные церковные потребности”, – говорилось в этой грамоте⁹⁰.

В августе 1650 года “тишайший” государь Алексей Михайлович вновь прислал для строительства собора сто рублей, церковные книги, ризы и другие предметы, необходимые для богослужения. К 1652 году деревянный собор во имя Воскресения Христова, имевший Благовещенский, Предтеченский, Алексеевский и Николая Чудотворца приделы, был построен. К моменту открытия храма в Черкасском городке из Москвы прибыли новые дары: две иконы в окладах, большие свечи, богослужебные книги, ладан, подсвечники, церковное вино. “Да отпущены к вам на Дон, – добавлял в своей грамоте государь, – черный поп Данило, да два белых попа Иван да Михайла с женами”⁹¹. Собор этот просуществовал до 1670 года, когда сгорел в огне страшного пожара, охватившего весь Черкасск. Однако через два года упорные донцы возвели новый храм, для которого царь Алексей Михайлович прислал необходимые богослужебные книги, церковную утварь и три храмовые иконы: Воскресения Христова, Благовещения Пресвятой Богородицы и Богоявление Господне⁹².

В черкасском соборе имелась и довольно редкая икона – образ Иоанна Предтечи, вдохновлявшая донских казаков в тяжелые годы Азовского “осадного сидения”. Среди многочисленных ценных предметов, хранившихся тогда в черкасском соборе, можно назвать серебряные кресты с мощами святых, принадлежавшие известным донским атаманам Корниле Яковлеву и Михаилу Самаренину, а также золотые и серебряные сосуды для причастия.

По преданию, в одном из приделов этого собора, закованный в железные кандалы и цепь содержался Степан Разин, ожидавший отправки в Москву. Цепь Разина и ныне можно видеть в галерее собора перед центральным входом в храм. Медная табличка над ней гласит: “Цепь Разина, на которой в древнем соборе в 1671 году содержался Стенка Разин”.

...Тусклым ноябрьским днем 1687 года во время грандиозного пожара в Черкасске сгорел и этот собор. Сбор средств на постройку нового, теперь уже каменного, храма донцы начали на следующий год. Значительные средства, богослужебные книги и церковную утварь слали

⁸⁸ Хазин В. Х. Указ. соч. С. 151.

⁸⁹ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 1269.

⁹⁰ Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА). Донские дела. Оп. 1. № 1. Лл. 215–218.

⁹¹ // Донские епархиальные ведомости. 1890. № 4. С. 159.

⁹² Богаевский Л. В. Старочеркасский Восресенский собор. Новочеркасск, 1919. С. 7.

цари Иван и Петр Алексеевичи. Однако строительство первого каменного донского собора началось только в 1706 году. Осветили же этот храм только 2 февраля 1719 года в торжественной обстановке и при большом стечении казаков со всех станиц Дона.

Кроме Воскресенского собора в Черкасске, по некоторым данным, в XVII столетии имелся еще один храм. История его такова...

... Из отписки войскового атамана Осипа Петрова в Москву от 16 декабря 1662 года известно, что в 1656 году донцы захватили “под Вильною на реке Вилие образ Пречистые Богородицы Одигитрии и крест животворящий, и Евангелие и книги”. Все это они привезли на Дон, в Черкасский городок, где и построили церковь во имя Богородицы Одигитрии. Однако вскоре многим казакам, участвовавшим в этом деле, стала во сне являться Богородица, требуя вернуть образ в Вильну, иначе донским казакам не будет удачи в их предприятиях. Казаки подчинились требованию Богородицы, и в 1662 году отвезли икону в Москву, откуда ее переправили в Вильну⁹³. Соответственно, не стало и Одигитриевской церкви в Черкасске.

Долгое время черкасские церкви были единственными на всем пространстве донской земли, а потом стали появляться храмы и в других казачьих городках. Любимым святым, в честь которого на Дону было построено большинство церквей, являлся Николай Чудотворец. Ему посвятили свои храмы казаки станиц Пятиизбянской, Еланской, Голубинской, Сиротинской, Верхне-Чирской, Цимлянской, Кременской, Усть-Медведицкой, Глазуновской, Арчадинской, Усть-Хоперской, Мигулинской, Мелеховской, Усть-Быстрианской, Усть-Белокалитвенской, Луганской, Верхне-Михалевской (Николаевской), Быстрианской (Мариинской) (часовня), Арженовской, Нижне-Каргальской (часовня), Скородумовской (в Черкасском городке), Правоторовской, Ярыженской, Етеревской, Петровской, Урюпинской⁹⁴.

Наряду с храмами официальной православной церкви на Дону существовали часовни раскольников: такая часовня имела, например, в Рыковской станице в 1687 году.

Сторонники раскола появились на Дону в 70-х годах XVII столетия. Войсковые власти, следуя указам царя и грамотам московского патриарха, активно и жестко боролись с раскольниками. Так, в 1676 году в Черкасске сожгли на костре раскольничьего священника Савелия⁹⁵. Однако этот страшный акт не подействовал на сторонников старой веры, и ряды раскольников на донской земле продолжали расти, ибо в старообрядческом движении многие коренные казаки видели своих союзников в борьбе против засилья Москвы.

Во главе этого движения на Дону стали довольно влиятельные старшины Фома Севастьянов, Павел Чекунов, Самойла Лаврентьев. Их сторонники, особенно в Черкасском городке, множились числом с каждым годом. При поддержке этой части казаков беглые старообрядческие попы Евтихий и Феодосий разъезжали по казачьим городкам, проповедуя о чистоте своей веры и о ереси царя и святейшего патриарха.

Войсковой атаман Фрол Минаев и его сторонники, приверженцы Москвы и ортодоксального православия, были в отчаянии, не зная, что предпринять. Положение еще больше обострилось, когда в августе 1683 года в Черкасске среди казаков пошла гулять грамота, якобы присланная на Дон царем Иваном Алексеевичем, который жаловался донцам на притеснения бояр и патриарха, прося их помочь ему обрести подобающие царю величие и власть. Многие искренне верили в подлинность этой грамоты и призывали, побив атамана и старшину, идти на Москву, чтобы помочь законному государю. Фрол Минаев несколько раз отказывался от атаманской власти и клал насеку и булаву, заявляя, что скорее умрет, нежели изменит присяге на верность Московскому государю.

⁹³ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1989. № 8. С. 146.

⁹⁴ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 283.

⁹⁵ Лаврский Н. Черкасск и его старина. Москва, 1917. С. 19.

Тем временем в Москве стало известно о чтении «воровского» письма в Черкасске и от казаков потребовали выдать старообрядческих священников. На Кругу, проходившем в Черкасске 6–7 сентября 1683 года, казаки наотрез отказались выполнить это требование, заявив, что «и без них («старцев». – М.А) на Москве много мяса».

К 1686 году старообрядческие позиции укрепились на донской земле настолько, что донским войсковым атаманом стал решительный и убежденный сторонник старообрядчества Самойла Лаврентьев. Отправив с легкой станицей в Москву влиятельного Фрола Минаева, Самойла Лаврентьев призвал в Черкасск старообрядческого попа Самойлу, которому разрешил служить в соборном приделе Иоанна Предтечи. Причем, служба велась по старым («неисправленным») церковным книгам. Так, в старом служебнике поминовения царя и патриарха на большом выходе не было, а потому поп Самойла их «не поминал», что считалось ересью и преступлением.

Вскоре атаман Лаврентьев созвал в Черкасске войсковой Круг, на котором преобладали его сторонники. На Кругу дипломатично было решено «великим государям Ивану и Петру Алексеевичам служить по-прежнему и чтоб впредь по всему Дону было смирно, а раскольщиков раскольщиками не называть и сверх старых книг ничего не прибавлять и не убавлять и новых книг не держать, а если кто тому приговору быти противен или учнет говорить непристойные слова и тех побивать до смерти»⁹⁶. Таким образом, казачий Круг решил царя и патриарха на большом выходе не помянуть... Противники этого решения подверглись гонению и избиениям. Поп Самойла и его сторонники потребовали от соборного протопопа Василия, посвященного в сан еще патриархом Никоном, служить по старым книгам, и тот вынужден был подчиниться этому требованию. А вот дьякон Воскресенского собора оказался более стойким человеком и отверг требования раскольников, за что был «отодран за власы».

При таких обстоятельствах полного торжества старообрядцев в Черкасск из Москвы вернулся Фрол Минаев. Он привез государеву грамоту, призывавшую казаков идти походом на Крым в составе войск князя Василия Голицына. Расторопные донцы поспешили избрать походным атаманом того же Минаева, дабы этим самым удалить его с Дона, поскольку он пользовался стойким авторитетом среди определенной части казаков.

Как только отряд казаков во главе с Минаевым ушел из Черкаска в знойные южнорусские степи, раскольники активизировали свои действия. Поп Самойла в своих публичных проповедях в Черкасске называл обоих царей и святейшего патриарха Иоакима (1674–1690) «кровопийцами и антихристами». Казалось, раскольники одержали полную и окончательную победу на донской земле... Однако вскоре в Черкасск из крымского похода вернулся энергичный Фрол Минаев, твердый и последовательный сторонник Москвы и православия. Ему удалось собрать казачий Круг, на котором произошла острая борьба сторонников и противников раскола. Победу одержал Минаев. Самойле Лаврентьеву пришлось, «покидая атаманство, ухорониться». Поп Самойла из Черкаска ушел на Маньч, в глухие скиты.

Узнав о победе сторонников Минаева, московское правительство потребовало от казаков выдать на разбирательство и расправу бывшего войскового атамана Лаврентьева и старообрядческого попа Самойлу. Однако казачий Круг после долгих споров и борьбы отказал государям. Правительство настаивало, но снова получило твердый отказ. И только два года спустя, когда Минаеву удалось разными способами окончательно сломить сторонников Самойлы Лаврентьева, бывшего войскового атамана взяли под стражу и выдали Москве. После многодневных пыток и допросов Лаврентьева приговорили к смертной казни. 10 мая 1688 года палач принародно отрубил ему голову на Красной площади. Старообрядчество на Дону было сломлено...

Кроме православных храмов на Донской земле действовали мусульманские мечети, ибо среди принятых в ряды казачества были татары, целая станица которых находилась с конца

⁹⁶ Дружинин В. Г. Раскол на Дону. СПб., 1889. С. 57.

XVII столетия в составе Черкасского городка. Здесь-то и располагалась мечеть, сгоревшая в 1710 году и возобновленная вскоре по приказу и с материальной помощью Петра I.

...Особенно бурно развернулось церковное строительство на Дону в XVIII столетии, но об этом – в следующих главах.

Монастыри на Дону. XVI–XVII вв.

Наряду с храмами на земле донских казаков существовали и действовали монастыри, где имелись часовни и церкви. Монастыри строились с гуманистическими, христианскими целями, чтобы старым, больным и увечным воинам донским было где преклонить свои головы к концу жизни.

Самым древним казачьим монастырем являлся Черниев-Никольский монастырь, основанный в 1573 году на правом берегу реки Цны у так называемых “Шацких ворот” казачьим иеромонахом Матвеем⁹⁷.

Второй монастырь, принадлежавший донским казакам, был основан в верховьях Дона, недалеко от Воронежа, в 1613 году. Он назывался Борщевским Троицким монастырем⁹⁸. Он лежал на пути казачьих станиц, ездивших в Москву, поэтому донцы его хорошо знали.

Кроме этого на Дону имелись монастыри Задонский, Воронежский (древний), Дивногорский, Донской⁹⁹. Характерно, что эти монастыри находились в пределах “того Червленого Яру и по Велику Воронежу и Хопер до Дону”, о котором говорили митрополиты Феогност и Алексей¹⁰⁰.

В 1652 году недалеко от Усть – Медведицкого городка появился еще один казачий монастырь, названный Усть-Медведицким. Сначала здесь стояла только часовенка, а в 1665 году, по благословию святейшего патриарха Никона, казаки построили деревянную церковь во имя Преображения Спаса. Однако осветили ее только в 1670 году¹⁰¹. С середины XVII столетия, как только позволила внешнеполитическая обстановка на Дону появилось три монастыря: Мигулинский, Кременской, Чирский (последний временно)¹⁰².

Донские монастыри или основывались казаками полностью, или донцы вкладывали часть средств в их строение. Однако управление монастырями в любом случае находилось в руках московского патриарха, поэтому назначение игуменов и архимандритов целиком зависело от Москвы.

Свои монастыри казаки содержали за собственный счет, и их руководство нередко обращалось к донцам за помощью. Так, в 1625 году четыре удаленных от Дона монастыря обратились к Кругу с просьбой отпустить им меди на отливку колоколов. И казаки, собрав медь с разбитых под Азовом пушек, “тое медь послали по убогим монастырям на Воронеж, в Шацкой, на Лебедян и к Святым Горам на колокола”¹⁰³.

Помимо того, что в донских монастырях, как мы упоминали, доживали свой век старые и увечные казаки, монастыри являлись еще и центрами по распространению грамотности среди казаков, ибо на Дону не было школ вплоть до 40-х годов XVIII века.

Кроме посещения собственных монастырей, казаки совершали и паломничества в Киево-Печерскую лавру, делая туда богатые вклады. Но особо популярным среди донцов было

⁹⁷ Буданов И. П. Указ. соч. С. 15.

⁹⁸ Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 156.

⁹⁹ Буданов И. П. Указ. соч. С. 16.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Правдин Н. Исторический очерк Усть-Медведицкого Спасо-Преображенского монастыря Донской области. М., 1885. С. 27.

¹⁰² Быкадоров Ис. Указ. соч. С. 100.

¹⁰³ Буданов И. П. Указ. соч. С. 122.

посещение далекого Соловецкого монастыря и поклонение святым чудотворцам Зосиме и Савватию. Эти святые были основателями Соловецкого монастыря, считались целителями ран. Канонизированы православной церковью в XVI веке. Для такого паломничества требовалось получить разрешение Круга и проезжую грамоту от царя по землям Московского государства на далекий север. Маршрут путешествия на Соловки был сложным и шел с Дона на Воронеж и далее на Переяславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Вологду, а оттуда по реке Сухоне на Тотму, Великий Устюг, потом Северной Двиной на Холмогоры, Архангельск и морем на Соловецкие острова.

14. Медицина Донского края. XVI–XVII вв.

Если врачевать душевные раны казаки отправлялись в монастыри, то боевые раны и болезни исцеляли лекари, тем более, что находясь в состоянии постоянной борьбы с турками и татарами, казаки крайне нуждались в них.

Не имея своих лекарей, донцы обратились с челобитной грамотой к государю московскому, прося прислать искусных лекарей “для лекарства больных и раненых казаков”¹⁰⁴. Царь Алексей Михайлович уважил просьбу донцов. В 1653 году в Черкасский городок из Москвы прибыл профессиональный врач иноземного происхождения – Лука Климовский. Освоившись в казачьей столице, он отправил в Москву челобитную, прося прислать своего сына Тимофея «на Дон к Вуйску для ево ремесново дела лекарства»¹⁰⁵.

В 1673 году Черкасский городок прибыли лекари Афанасий Щешуков и Иван Костылев. Раненых казаков лечили старинным домашним способом: накладывали припарки из горячего вина и смазывали раны особым составом, сделанным из желтого воска, говяжьего сала, белой смолы и “деревянного масла”. Казаков, заболевших “крымской” (проказа) или “французской” (венерические болезни) болезнями не лечили (они считались неизлечимыми), а изолировали в специально отведенных для этого местах. Атамана Фрола Минаева правительство берегло и лечило особо. Так, в 1683 году оно пожаловало Минаеву «для ево болезни на лекарство пропиэтису десять золотников безденежно из Аптекарского приказа»¹⁰⁶.

В 1695 году, в связи с началом Азовского похода Петра I, на Дону появились новые лекари и первый донской госпиталь. Среди врачей, оставленных по приказу царя осенью 1695 года в Черкасске (а их было пять человек), главным являлся доктор Термонт¹⁰⁷. Эти лекари врачевали раненых во время неудачных штурмов Азова солдат и казаков. Штатных и постоянных лекарей на Дону в этот момент, вероятно, не имелось.

Завершив лечение раненых солдат и казаков, все пять лекарей уехали из Черкасского городка в Москву, оставив донских казаков без стационарной врачебной помощи. Мотивируя свой отъезд, лекари писали, что “они, вылеча в Черкасском ратных людей всех, поехали ис Черкаска к Москве ноября 30 числа, а лекарства... ничего не осталось, а больных oprичь раненых лечить они не умеют, для того это дело дохтурское”¹⁰⁸. Здесь налицо разделение на врачей (“дохтуров”) и лекарей, которые по служебному положению и врачебной квалификации стояли ниже первых. Так, из пяти оставленных в Черкасске осенью 1695 году “слуг Эскулапа”, Термонт был врачом (“дохтуром”), а остальные четверо – лекарями.

... С отъездом Термонта с товарищами в Москву Дон до конца XVII столетия оставался без врачей. Появились они здесь только в следующем веке.

¹⁰⁴ РГАДА (ЦГАДА) Донские дела. Оп. 1. № 3. Л. 3.

¹⁰⁵ Донские дела. Кн. 4. Стб. 586–587.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 111. 1683. № 5. Л. 4.

¹⁰⁷ Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 1. М., 1946. С. 84.

¹⁰⁸ Там же.

Глава 2

«Бесменная стража пределов российских...» (участие донского казачества в войнах России. XVI–XVII вв)

Обратимся теперь к политической и военной истории донского казачества XVI–XVII веков, истории бурной, многоплановой и интересной...

В начале 70-х годов XVI столетия донские казаки, жившие отдельными группами и городками, объединились в военно-политическую организацию, названную Войском Донским. С 1570 года казачья донская республика вступила во взаимовыгодные отношения с московским государем Иваном IV Грозным, который признавал Дон самостоятельным государством, принимая казачьих послов со всеми почестями, подобающими посланникам иностранных государств.

15. Участие донских казаков в войнах России XVI столетия

В это время донские казаки принимали деятельное участие в войнах, которые вело Русское государство.

То была беспокойная пора для всей нашей страны, и появление сильного христианского войска на ее враждебных южных пределах явилось весьма кстати. “Во дни порабощения России, – писал литератор и общественный деятель России Ф. Ф. Вигель (1786–1856), – ее бессилия и неустройства, на южных пределах ее без ее участия и ведома, сама собой встала живая стена, составленная из ратников, которые удалством своим долго изумляли окрестные края. То, что мудрость человеческая сделала для спасения Рима (военные пограничные поселения) и не спасла его, провидению угодно было то сотворить для нас от берегов Днепра и вдоль по тихому Дону проведена была блестящая черта: она должна была, как межа, означать владения России... Казачье войско сберегло нам половину Украины, помогло взять обратно другую... Его заслуги неисчислимы”¹⁰⁹.

И в самом деле, донские казаки с момента объединения в военно-политическую организацию “Войско Донское” принимают активное участие в основных внешнеполитических военных актах Русского государства и русских царей. Так, уже в 1550 году нападение на южные рубежи Русского государства отразили “вольные казаки великого князя”.

Узнав о намерении царя Ивана IV покончить с Казанским ханством, этим осколком Золотой Орды”, на помощь ему пришли сначала запорожские, а потом и донские казаки. Донцы шли под предводительством своего атамана Сусара Федорова, оставив на Дону часть сил для защиты от нападения турок, крымцев и астраханцев¹¹⁰.

20 июля 1552 года 150-тысячная русская армия при 159 орудиях подошла к Казани. Город предстал перед россиянами на возвышении во всем своем грозном величии, первоклассной крепостью. Она была обнесена крепкой деревянной стеной с 15 башнями и рвом в 6,5 метра ширины и 15 метров глубины. Внутри Казани располагался Кремль, особо укрепленный высокой дубовой стеной с башнями и земляным валом. В городе укрепился отборный 30-тысячный гарнизон во главе с ханом Едигеем. Вблизи Казани, в густом лесу, татары построили деревянную крепость (Арская крепость), где базировался 25-тысячный подвижный конный корпус князя Епанчи, главной задачей которого были диверсии в тылу русских войск. Общую картину казанских укреплений дополняли и усиливали протекавшая по северной окраине города река Казанка и речка Булак, болотистые берега которой тянулись перпендикулярно Казанке, пересекая сам город. Гарнизон Казани в достаточной степени запасся продовольствием, фуражом, водой и боеприпасами.

Окружив город, русские войска установили туры из хвороста, заполненные землей, поставив в удобных местах пушки. Русло реки Казанки было отведено от стен города, дабы лишить его защитников воды.

Татары активно противодействовали осадным работам русских, делая ежедневные многократные вылазки и атакуя россиян в самых неожиданных местах. Муллы ежедневно поднимались на минарет, призывая казанцев к священной войне с “неверными”, обещая покровительство Аллаха. Однако, несмотря на решительное сопротивление неприятеля, русские успешно завершили осадные работы.

Донские казаки влились в состав полка правой руки, которым командовал князь Андрей Курбский. Потекли напряженные дни осады и боев.

¹⁰⁹ Акты Лишина. Т. 3. С. 279–280.

¹¹⁰ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 220.

Соорудив 13-метровую деревянную башню с 10 большими пушками и гарнизоном стрельцов, русские на специальных деревянных катках подтянули ее к крепостной стене Казани. С высоты башни был открыт огонь “яко с небеси”, опустошая близко лежащие казанские улицы и круша городские стены и круша городские стены.

Донцы, занимавшие позиции на северном участке, обнаружили подземный ход, ведущий из крепости к реке Казанке. По этому ходу осажденные снабжались водой. На совете у князя Курбского было решено сделать подкоп и взорвать тайный ход. Работы провели в высшей степени быстро и аккуратно: подземный ход был взорван одиннадцатью бочками пороха, и осажденные лишились речной воды, пользуясь отныне только городскими колодцами.

Однако борьба продолжалась, и казанцы упорно сопротивлялись, не помышляя о сдаче и делая регулярные вылазки. Особое беспокойство русским войскам доставлял татарский корпус князя Епанчи, базировавшийся в лесном Арском укреплении в пятнадцати верстах от Казани. После одного из таких нападений князя на русские позиции взъяренный царь Иван Васильевич решил покончить с ним, направив к Арской крепостице сильный отряд князя Шуйского. Прокравшись среди болот, русские с двух сторон атаковали укрепление, захватив его в результате упорного боя, рассеяв по окрестностям корпус князя Епанчи, который отныне перестал представлять серьезную опасность для русских. Теперь все усилия русского командования обратились непосредственно на Казань.

Тем временем прошло лето, наступил сентябрь. Казань упорно держалась. Тогда решено было начать ширококомасштабные подкопные работы, чтобы с помощью взрывов ворваться в город. Одновременно велось три подкопа, один из них рыли донские казаки. Историк А. И. Ригельман по этому поводу писал в своей книге “История или повествование о донских казаках”: “...Приблизившись к речке Казанке, казаки принялись рыть подкоп под стены города. Затем было спущено в подкоп несколько бочек пороха. Назначив время к поджогу пороха, казаки стали на молитву, прося Господа дать им свое знамение”¹¹¹.

Построив свои войска в три линии: донские казаки, части боярских детей и дворян – в первой, главные силы – во второй, полки поддержки – в третьей, царь Иван 1 октября 1552 года направил казанцам ультиматум, предложив сдаться на почетных условиях. Хан Едигей ответил отказом.

На рассвете следующего дня казаки подожгли свой подкоп у Арских ворот, и когда прогремел мощный взрыв, разрушивший часть крепостной стены, ворвались на улицы Казани, завязав бой с ошеломленными натиском татарами. Тут же прогремели взрывы в восточной и юго-восточной частях Казани, и в проломы густой массой полились стрельцы, боярские дети, дворяне. Татары упорно сопротивлялись, и даже неожиданной контратакой сумели потеснить русских, но Иван IV ввел в бой резерв, оттеснив противника к ханскому дворцу, где завязался центральный узел обороны. Потерпев полное поражение и здесь, татары, числом около шести тысяч человек, кинулись вниз, переплыли Казанку, но были добиты войсками князя Курбского, в состав которых входили и донские казаки. Хан Едигей был взят в плен. Казань пала.

Оставив в поверженной татарской столице гарнизон, состоящий из стрельцов, боярских детей и казаков, царь Иван с основными силами двинулся в обратный путь.

Взятие Казани и присоединение Казанского ханства к Московскому государству имели исключительное значение для русских, открывая перед ними широкие перспективы для движения на восток. Поэтому событие это было широко отпраздновано по всей Руси и прежде всего в Москве, где в память о “Казанском взятии” соорудили Покровский собор (храм Василия Блаженного) – выдающийся памятник русского зодчества.

Высоко оценив роль донских казаков во взятии Казани, царь Иван IV хотел одарить донцов казной, но, как отмечал историк А. И. Ригельман, “донцы ничего того не взяли, а просили,

¹¹¹ Ригельман А. И. Указ. соч. С. 5.

чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что царь им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с крепким подтверждением и даже закланием о ненарушимости ее “во веки веков”¹¹².

Позже это важное событие в русской истории, в котором посчастливилось участвовать донским казакам, было воспето в казачьих песнях.

После покорения Казанского ханства настал черед Астраханского царства, вставшего на пути полного овладения россиянами бассейном Волги и северной акватории Каспийского моря. Весной 1554 года русские войска двинулись на Астрахань, донцы приняли участие в этом походе. Во главе казачьих отрядов стояли атаманы Федор Павлов, Андрей Щадра и Ляпун Филимонов. Перейдя через переволоку с Дона на Волгу, они влились в передовой отряд армии Ивана Грозного, которым командовал князь Вяземский¹¹³.

Приняв казаков в свое войско, князь велел им идти в авангарде, что они и сделали. Несколько дней спустя недалеко от Черного острова донцы встретили отряд татар во главе с самим астраханским царем Ямгурчеем, здесь же находилась и его семья. В завязавшемся сражении казаки разгромили татар, часть которых ринулась обратно в город, а два других отряда ушли в степь и в сторону Азова.

Атаману Павлову удалось настигнуть в районе Базцыж – Мачака и захватить в плен царских жен и дочерей. Самого Ямгурчея, сопровождаемого только двадцатью всадниками личного конвоя, другая группа казаков гнала до самого Азова, где он и нашел временный приют у тамошнего коменданта.

Вскоре князь Вяземский взял Астрахань, поставив здесь царем знатного татарина Дербыша, который год спустя задумал изменить России и переметнуться к крымцам. Но донской атаман Ляпун Филимонов, не дожидаясь свершения изменнических планов Дербыша, явился с храбрыми казаками под стены Астрахани. Изменники пришли в ужас, оставили город, рассеявшись по улусам. Казаки преследовали их... Сам Дербыш в 1557 году бежал в Азов. Пришедший в Астрахань с государевыми войсками стрелецкий голова Черемысинов привел испуганный народ к присяге и, таким образом, Астрахань навсегда была присоединена к России¹¹⁴.

Присоединение Казани и Астрахани с их владениями к Московскому государству открыло россиянам широкий путь на восток, в глубины Сибири. В последующее время туда ринулись отряды во главе с донскими казаками Ермаком, Дежневым, Хабаровым и вышли к Тихому океану и североамериканскому континенту.

Теперь взоры царя Ивана Грозного обратились на Запад, где спокойствию Русского государства угрожал Ливонский орден, закрывавший выход России в Балтику. Началась изнурительная Ливонская война, продлившаяся с перерывами 25 лет (1558–1583 гг.). В ее сражениях приняли участие и донские казаки.

Главной целью кампании 1558 года русское командование ставило захват побережья Балтийского моря от Нарвы до Риги. Основной удар наносился по Риге, куда в качестве авангарда были высланы казачьи конные сотни и легкая русская кавалерия. После взятия русскими войсками крепости Сренск началось наступление на Дерпт. Осада этой сильной крепости велась полками князя Андрея Курбского, который в своих записках отмечал, что в составе его войска находилось до 10 тысяч казаков. Дерпт был взят, а вскоре пала и важная в стратегическом отношении крепость Нейхаузен и двадцать рыцарских замков. Н. М. Карамзин, касаясь участия донцов в Ливонской войне, отмечал, что государевы “воеводы, не занимаясь осадой больших крепостей Вендена, Риги, подступали единственно к маленьким городкам. Немцы уходили от них. Один Шмельтин не сдавался”. Сколько ни штурмовали его воеводы, но взять не смогли.

¹¹² Ригельман А. И. Указ. соч. С. 5.

¹¹³ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 224.

¹¹⁴ Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 225.

И тогда “казаки наши разбили ломами каменную стену его и долго резались на улицах с отчаянным неприятелем”.

Военные действия продолжались. Боясь усиления Москвы в Прибалтике, в войну на стороне ливонцев выступили Польша и Швеция. По приказу царя Ивана IV в Можайске для действий против Польши было сконцентрировано 37-тысячное войско, в составе которого насчитывалось более 6 тысяч казаков во главе с атаманами Яновым, Черкашениным и Ермаком Тимофеевичем.

В 1563 году русские войска в результате энергичной осады и штурма взяли город Полоцк. В этих боях особо отличились казаки атамана Михаила Черкашенина, а сам атаман “оказал чудеса храбрости”, что отметил Н. М. Карамзин в пятой главе восьмого тома своей “Истории государства Российского”. После падения Полоцка королевская Рада предложила заключить перемирие, что и было принято Москвой.

Вскоре в Польше королем стал энергичный и талантливый полководец Стефан Баторий, который возобновил войну с Россией. Под натиском превосходящих сил поляков русские войска стали оставлять занятые города. В 1581 году армия польского короля осадила русский род Псков. В его обороне приняли участие и донские казаки во главе с уже упоминаемым нами атаманом Михаилом Черкашениным. Борьба за город отличалась особым ожесточением и упорством, поляки несли большие потери, погиб ближайший советник короля Стефана Бекеш. Но и русские теряли своих воинов: в одном из ожесточенных боев, как сообщает “Писаревская летопись”, пал атаман Черкашенин¹¹⁵.

Простояв под Псковом тридцать две недели, Стефан Баторий вынужден был снять осаду ввиду невиданного упорства русских и уйти восвояси. Этот успех россиян под Псковом помог царю Ивану IV добиться более благоприятных условий мира, в целом невыгодного для Русского государства.

В общем, в этот нелегкий для России период, как отмечал историк Сухоруков, “по гласу призывающего отечества отборные дружины казаков, к войне всегда готовые, ... несколько раз служили под знаменами российскими на севере и на западе, а в конце сего столетия, в 1593 году, с однородцами своими уральскими казаками, составляли передовой отряд в российской армии, выступивший под начальством князя Александра Засекина к невавскому устью противу шведов...”¹¹⁶.

В 1598 году казачьи сотни, несшие сторожевую службу на юге Русского государства, в одном из сражений с татарами захватили пленных, от которых узнали о намерении крымского хана идти со своей конницей и семитысячным отрядом турецкого султана на Русь. Сообщив об этом новооскольскому воеводе князю Солнцеву, донцы помогли сорвать эту попытку хана опустошить южнорусские пределы.

Обращаясь к этой странице донской истории, выдающийся русский поэт Иван Никитин писал:

Русь помнит те былые годы,
Когда свой гибельный удар
Сын дикой степи и свободы,
Бросал ваш предок на татар.
Когда от Дона до Урала
И вдоль днепровских берегов
Внезапной молнией сверкала
Казачья сабля меж врагов.

¹¹⁵ Гордеев А. А. История казачества. Ч. 2. С. 67.

¹¹⁶ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1988. № 8. С. 127.

Особой печатью в истории донского казачества отмечено время освоения могучих просторов Сибири. “В покорении Сибири, – пишет выдающийся русский писатель Валентин Распутин, – казаки сыграли роль исключительную, почти сверхъестественную. Только сословие людей дерзких и отважных, не сломленных тяжелой русской государственностью, чудесным образом смогло сделать то, что удалось им”.

16. Смута и донские казаки. 1605–1612 гг.

В начале XVII столетия Русское государство испытало страшные потрясения, связанные с польско-шведской интервенцией, движением самозванцев, вошедшим в историю России под названием Смутного времени. В этих событиях приняли участие и донские казаки.

Надо отметить, что с воцарением на русском престоле Бориса Годунова (1598 г.) отношение Москвы к донцам резко переменялось. Царь, видя в казаках своевольников, лишил их государева жалованья, определенного в свое время царями Иваном Грозным и Федором Иоанновичем. Отныне Годунов не признавал казаков равноправной стороной и перестал принимать казачьи посольства. Воеводы пограничных с Доном городов получили строгий приказ царя перехватывать казаков, идущих без государева разрешения на Русь и сажать их в темницы. Все эти меры, не всегда несправедливые, озлобили донцов, и когда на западной границе появился “истинный” царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного, казаки отправили туда атамана Андрея Корелу, чтобы он узнал: настоящий ли это сын Грозного царя?

“Прибыв в Краков, где воевода сандомирский представлял самозванца сейму, Корела, – отмечает историк Сухоруков, – прежде всего старался разведать, не ложно ли кто-нибудь называет себя царевичем. Но, видя от всех польских вельмож и от самого короля Сигизмунда отличный прием и царские почести, оказываемые Отрепьеву, и сам признал его истинным сыном русского царя, именем всех своих собратьев бил ему челом, как законному государю, представил дары и обнадежил в верности и преданности всех казаков”¹¹⁷.

А. С. Пушкин по-своему увидел эту сцену в своей драме “Борис Годунов”, когда на вопрос самозванца атаману Кореле: “Ты кто?”, тот отвечает:

Казак:

К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых...

Самозванец:

Я знал донцов: не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон¹¹⁸.

Признав Лжедмитрия “истинным” государем, донцы через сокольничего Семена Годунова велели передать царю Борису в Москву: “Объявите гонителю нашему Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Дмитрием”¹¹⁹. Встревоженный этой информацией царь, забыв

¹¹⁷ Сухоруков В. Д. Историческое описание... // Дон. 1988. № 8. С. 128.

¹¹⁸ В дальнейшем атамана Корела с отрядом казаков являлся ударной силой в войске самозванца, отличившись в боях под Кромами и во взятии Москвы. Шведский дипломат и историк Петрей де Ерлезунд называет Корелу «волшебником». После захвата Москвы Лжедмитрием I, осыпанный золотом и почестями, он занял почетное место при самозванце. Ему с отрядом казаков была поручена охрана Кремля, но в царском окружении он чувствовал себя чужаком, отводя душу в московских кабаках. В конце концов он спился и, как сообщает И. Масса, исчез с политического горизонта к исходу 1612 года.

¹¹⁹ Сухоруков В. Д. Историческое повествование... // Дон. 1988. № 8. С. 128.

о прошлых преследованиях донцов, направил к ним на Дон своего посла Петра Хрушова с известием о смерти настоящего царевича Дмитрия много лет назад и с предложением служить ему, царю Борису. Однако казаки не поверили царскому посланнику и, заключив его в оковы, отправили к Гришке Отрепьеву, который с войском двигался на Москву.

Поддержанный донскими казаками и обманутыми массами простого московского люда, самозванец, после скоропостижной и неожиданной смерти царя Бориса, утвердился на царском троне, торжественно короновавшись в Успенском соборе Кремля 30 июля 1605 года. Об этом периоде русской истории В. О. Ключевский, великий русский историк, писал: “В... годы Смуты всего больше вреда наделали государству казаки, которые врывались в его пределы с польскими отрядами. Но казаки, которые приходили в Московское государство с берегов Днепра, Дона и Терека под начальством князя Трубецкого, Заруцкого, Лисовского, Сапеги не принадлежали к старому домовитому казачеству. Это были, в большинстве, недавние гости южно-русских степей, голытьба, как их тогда называли, т. е. беглые или не тяглые люди из Московского государства, недавно укрывшиеся в степях и теперь возвращавшиеся в Отечество, чтобы пограбить”¹²⁰.

Однако вскоре казаки разобрались в политической обстановке и решительно поддержали русское ополчение, во главе с князем Дмитрием Пожарским и Кузьмой Мининым пришедшее освобождать от поляков Москву. Вскоре сюда же подошел польский гетман Ходкевич с огромным обозом, где находилось продовольствие для запертых и порядком оголодавших в Москве поляков. Оценив обстановку, Ходкевич решил нанести первый удар по ополчению Пожарского и Минина, занимавшего позиции у Новодевичьего монастыря. Донские казаки в это время укрепились в Замоскворечье.

Атаки поляков продолжались весь день, и хотя русским ополченцам удалось отбиться по всем пунктам, но они были настолько изнурены, что, как отмечают историки, “у воинов руки опустились и о дальнейшем сопротивлении уже не приходилось думать”.

Казачьи атаманы Межаков, Романов и Козлов, внимательно и напряженно следившие за ходом битвы, были недовольны позицией невмешательства, занятой князем Трубецким, который являлся верховным начальником казаков. Наконец, атаман Феофилакт Межаков подошел к Трубецкому и проговорил, сурово глядя на князя:

– От вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится! – и, обернувшись к своим казакам, скомандовал: “На коней!” Стремительный удар свежей казачьей конницы решил исход битвы в этот день: понесся потери, Ходкевич отступил, укрывшись за телегами в обозе.

23 августа 1612 года над позициями противника стояла тишина: неприятели зализывали раны, готовясь к решающему сражению. Ополчение князя Пожарского занимало позиции у церкви Ильи Обыденного, казаки стояли у Лужников, устроив здесь рвы. 24 августа с утра поляки широким фронтом начали наступление. Войсками левого фланга непосредственно командовал сам Ходкевич, в середине шла конница Зборовского, пехота Граевского и Неве-ровского, справа двигались сотни Конецпольского и запорожцы гетмана Ширяя. На сей раз главный удар Ходкевич нацелил на донских казаков, надеясь разгромить эту, по его мнению, главную силу “московитов”.

Превосходящими силами запорожцы и поляки сумели выдавить донцов из неглубоких рвов, занять их и продвинуться к церкви Святого Климента. Весьма довольный достигнутым успехом, Ходкевич велел своим офицерам разместить в церкви часть груза из обоза и поставить охрану, предполагая продолжить наступление. Однако казаки, перестроив свои ряды, стремительной и мощной контратакой вышибли поляков из церкви, захватив оставленные там припасы.

¹²⁰ Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 100.

Наступило тягостное затишье, но по всему было видно, что поляки готовятся к новой атаке. Межаков отправил к князю Пожарскому гонца, чтобы узнать, почему его воины не участвуют в сражении. Князь отправил к казакам келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына с известием, что его ополченцы настолько физически измотаны прошедшими боями, что пока не в силах биться с поляками, и просил казаков пока самостоятельно вести бой. Палицын, прибыв в казачий лагерь, обратился к донцам с проникновенной речью:

– Братия православные христиане! Вы первыми начали доброе дело борьбы с ляхами и крепко стояли за веру православную, за что раны и глад многие из вас приняли. В сей тяжкий час постойте еще, братия, за веру православную и государство русское и не уходите на Дон восвояси. А коль надобно вам заплатить за сие, то отдам я вам казну монастырскую, ибо боле у меня ничего нет!..

– Нам казны не надобно, отче! – хмуро отвечал ему атаман Межаков. – Мы не пойдем на Дон до тех пор, пока не выручим Москву от ляхов! К бою, братья-казаки!

Донцы с криками “ясак” врубались в ряды поляков, круша их направо и налево. Пришли в движение и ополченцы князя Пожарского, набравшиеся сил после отдыха. К полудню казаки пробились к обозам противника, захватив четыреста возов с припасами. Ходкевич, у которого из многотысячного войска осталось не более четырехсот боеспособных воинов, приказал начать отступление, что и было сделано с наступлением темноты. С великим трудом прорвавшийся в Кремль с тремястами бойцами полковник Неверовский сообщил эту нерадостную весть осажденным там собратьям, добавив к голодавшим там ртам еще триста новых едоков.

Русские плотно обложили Кремль, и 15 сентября князь Пожарский предложил осажденным здесь полякам сдаться, но те ответили отказом. 22 октября донцы мощным ударом со стороны Китай-города вышибли занимавших там позиции поляков, загнав и их в Кремль. Для осажденных наступили лютые дни: испытывая страшный голод, они вынуждены были пожирать мертвых собратьев, не брезгуя кошками и собаками. Наконец, их физические и моральные силы истощились, и 24 октября 1612 года они объявили о готовности сдаться на милость победителя. На следующий день со скрипом отворились все ворота Кремля, казаки и ополченцы с радостным гомоном вошли туда. Поляки, сложив оружие на площади перед Успенским собором, с тревогой ждали решения своей участи. Всех пленных разделили на две части: те, кто попал к князю Пожарскому, позже были обменены на русских пленных во главе с митрополитом Филаретом, отцом будущего царя Михаила Романова. Поляки же, доставшиеся казакам, в большей части были истреблены обозленными донцами. Их имущество частью передали в казну, частью распределили между казаками и ополченцами.

Донские казаки отличились и в последующих событиях этого смутного периода. Именно “казацкие атаманы, а не московские воеводы, – писал историк В. О. Ключевский, – отбили от Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшегося к Москве, чтобы воротить ее в польские руки, и заставили его вернуться домой”¹²¹. Именно к этому времени и относится появление известной русской поговорки: “Пришли казаки с Дону, погнали ляхов до дому”¹²².

¹²¹ Российская императорская фамилия. Из лекций по истории государства Российского В. О. Ключевского. М., 1990. С. 4.

¹²² Пивоваров А. Донские казаки. Новочеркасск, 1892. С. 10.

17. Восстание Ивана Болотникова и донские казаки. 1606–1607 гг.

В годы Смуты донские казаки приняли участие в первой крестьянской войне под предводительством Ивана Болотникова, которая явилась одним из крупнейших социальных движений в истории России, потрясшим основы всего государства. Одной из причин этой войны была попытка угнетенных слоев тогдашнего русского общества освободиться из-под гнета бояр, дворян и царя. Имелись, впрочем, и другие причины восстания, ибо в нем на стороне Болотникова сражалась и часть дворян, недовольных боярством и царем.

Донские казаки наряду с другими социальными группами русского государства приняли участие в восстании Болотникова. Историк И. И. Смирнов, автор обширного исследования под названием “Восстание Болотникова”, прямо указывает, что наряду с холопами, крестьянами, стрельцами и посадскими людьми в восстании Болотникова участвовали и донские казаки¹²³.

Говоря о причинах участия донцов в восстании, Смирнов считает, что это, в основном, была боязнь воцарения самодержавно-крепостнических порядков на Дону. Далее он отмечает, что “наиболее яркими представителями мятежного казачества является Илейка Муромец, выходец из городских низов, затем казак, и, наконец, самозванный “царевич Петр”. Но и в биографии самого Ивана Исаевича Болотникова период жизни у казаков сыграл важную роль, так как именно с бегства к казакам холоп Болотников начал свою борьбу против феодального гнета”¹²⁴.

Болотников, будучи в молодости холопом князя Андрея Телятевского, бежал от него в степь к казакам. Здесь, на Диком поле, он был захвачен в плен татарами и продан на одном из невольничьих рынков в Турцию. Проплавав несколько лет гребцом на галерах, он был освобожден немецкими моряками, разбившими турок на море, и попал в Венецию. “После скитаний, – дополняет эту картину историк Р. Г. Скрынников в своей книге “Минин и Пожарский”, – Болотников попал к украинским казакам, которые оценили храбрость и распорядительность недавнего невольника и выбрали его атаманом”¹²⁵. Вскоре Болотников встал во главе нарастающего народного восстания.

Что касается другого руководителя повстанцев – казака Илейки Муромца – то он, как отмечал И. И. Смирнов, “казакон стал около 1603–1604 гг. и на протяжении двух-трех лет своего превращения в “царевича” участвовал с казаками в походах на Терек и в Тарки; затем, по возвращении с Терека в Астрахань, его “взяли казаки Донские и Волжские”, с которыми он плывал по Волге и, наконец, вновь оказался на Тереке, где и был провозглашен казаками “царевичем”¹²⁶. Отсюда отряд Илейки Муромца двинулся на соединение с Болотниковым, который уже стоял под Калугой, двигаясь на Москву.

Главный отряд донских казаков в войске Болотникова состоял под командой донского атамана Юрия Беззубцева¹²⁷. Численность этого отряда документы не уточняют, как и нет возможности определить и общее количество казаков в войске Болотникова. “Несомненно, однако, – отмечает И. И. Смирнов, – что число казаков в войске Болотникова было весьма значительным, что следует хотя бы из того факта, что взятые в плен Василием Шуйским в

¹²³ Смирнов И. И. Восстание Болотникова. М., 1951. С. 122.

¹²⁴ Там же. С. 126.

¹²⁵ Скрынников Р. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 91.

¹²⁶ Смирнов И. И. Указ. соч. С. 367.

¹²⁷ Смирнов И. И. Указ. соч. С. 259, 262.

сражении 2 декабря 1606 года 6–10 тысяч человек были именно казаки”¹²⁸. Впрочем, в данном случае речь идет не только о донских, но и о терских, волжских и запорожских казаках.

В составе армии Болотникова находился и еще один небольшой отряд казаков, которым командовал атаман Федор Нагиба¹²⁹.

Когда в конце октября 1606 года войско Болотникова осадило Москву, где заперлись царь Василий Шуйский с боярами и войском, казаки стали одной из активных сил в сражении за Москву. Борьба здесь была долгой и изнурительной, одно время даже казалось, что Болотников вот-вот захватит столицу, но царю все-таки удалось удержать город в своих руках.

2 декабря 1606 года под Москвой произошло решительное сражение между царскими войсками под командованием талантливого воеводы М. В. Скопина-Шуйского и повстанцами Болотникова, на стороне которого дрались донские казаки атамана Юрия Беззубцева. Сражение было жарким, и ни одна из сторон долгое время не имела перевеса. И вдруг в решающий момент боя на сторону царских войск перешел дворянин Истома Пашков с дворянской частью своего отряда. “У Болотникова, – писал Н. М. Карамзин, – остались казаки, холопы, северские бродяги, но он бился до совершенного изнурения сил и бежал с немногими к Серпухову”¹³⁰.

Дольше и мужественней всех держались казаки во главе с атаманом Юрием Беззубцевым. Создав в деревне Заборье укрепление из тройного ряда саней, тесно связанных и облитых водой, казаки отбили все атаки правительственных войск. Скопин-Шуйский от имени царя предложил доблестным казакам перейти “на государеву службу”, обещая взамен жизнь и награды. Донцы, видя, что Болотников их бросил, согласились, сложили оружие и были отвезены в Москву. Здесь из них сформировали особый отряд, который в дальнейшем, оказавшись под Калугой, снова перешел на сторону Болотникова. Именно этот казачий отряд помог воеводе Болотникова князю Телятевскому разгромить 3 мая 1607 года под Калугой, у села Пчельня, войско Шуйского.

Это поражение заставило царя мобилизовать все свои силы на борьбу с повстанцами. Вскоре государевы воеводы Лыков и Голицын нанесли недалеко от Тулы поражение войскам недавнего победителя у Пчельни князя Телятевского. И снова в бою дольше всех держались казаки. “Храбрейшие из злодеев казаки терские, яицкие, донские, – отмечал Карамзин, – числом 1700, засели в оврагах и стреляли; уже не имели пороха, и все еще не сдавались; их взяли силой на третий день и казнили”¹³¹.

Потрепанные войска Болотникова отошли к Туле и укрепились здесь. Сюда, как отмечал профессор С. Ф. Платонов, автор книги “Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.”, “пришел самозванный царевич Петр Федорович и с ним путивльский воевода ... князь Гр. П. Шаховской. Первый из них привел казаков с Терека, Волги, Дона и Донца”¹³². Кроме этих казаков, здесь укрепились и казачьи отряды во главе с атаманами Юрием Беззубцевым и Федором Нагибой. Четырехмесячная плотная блокада Тулы царскими войсками завершилась 10 октября 1607 года капитуляцией Болотникова, которому царь пообещал сохранить жизнь. Сохранение жизней было гарантировано и другим повстанческим вождям. Но царь не сдержал своего слова: казачьего атамана Илейку Муромца повесили вскоре в Москве; Болотникова и атамана Нагибу отправили в Каргополь, где тайно утопили. В живых остался только атаман Юрий Беззубцев, который по документам 1609 года упоминается в качестве “атамана

¹²⁸ Там же. С. 267.

¹²⁹ Там же. С. 221, 508.

¹³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 4. Т. XII. Ростов н/Д, 1990. С. 313.

¹³¹ Там же. С. 321.

¹³² Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве. XVI–XVII вв. М., 1937. С. 258.

донских казаков”, действовавших в составе отряда гетмана Рожинского, а в 1611–1612 годах участвовал в освобождении Москвы от поляков¹³³.

¹³³ *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 259.

18. Выборы царя и участие в них донцов. 1613 год

Интервенты и самозванцы были разгромлены и вышвырнуты из России. Разоренная страна готовилась выбрать себе государя, чтобы начать возрождение порушенной жизни. В выборах государя Всея Руси, акте государственной важности, донские казаки сыграли выдающуюся роль ...

... В начале 1613 года в Москву “на собор всей Русской земли” съехались представители всех сословий и социальных групп России для избрания нового государя. Были здесь и казацкие делегаты во главе с атаманом Феофилактом Межаковым.

Вокруг кандидатур нового царя развернулась интенсивная борьба между различными группировками бояр, дворян, прочих сословий, стремившихся выдвинуть своего ставленника. Но единодушно всеми были отвергнуты кандидатуры польского и шведского королевичей: на престол российский решили ставить “природного русского государя”. И вот тут разгорелись споры.

В числе претендентов на трон считались князья Пожарский и Голицын, Воротынский и Мстиславский, но ни одна из кандидатур не набрала нужного количества голосов. И тут “какой-то дворянин из Галича, – пишет В. О. Ключевский, – откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М. Ф. Романов, а потому его надобно выбрать в цари”¹³⁴. Однако, старое родовитое боярство высказалось против Михаила Романова, раздались сердитые голоса – кто принес это писание? И в этот напряженный момент из рядов донских представителей на соборе вышел атаман Межаков и, подойдя к столу, положил на него свое “писание”.

– Какое это писание ты подал, атаман? – спросил его князь Дмитрий Пожарский.

– О природном царе Михаиле Федоровиче, – ответил Межаков.

“Этот атаман, – замечает Ключевский, – будто бы и решил дело: “прочетше писание атаманское и бысть у всех согласие и единомыслен совет”, – как писал один бытописатель, Михаила провозгласили царем”¹³⁵. “Писание” это, по мнению некоторых историков, являлось “родословной записью Михаила Романова”, в которой подтверждались его приоритетные права на русский престол. О том, что донцы сыграли решающую роль в выборах нового государя, говорили тогда многие. Польский канцлер Лев Сапега сообщил отцу Михаила Романова митрополиту Филарету, находившемуся в польском плену и жившему в доме Сапеги: “Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки-донцы!” Избрали нового государя, конечно, не только донские казаки, но голос их на выборах был довольно весомым.

В неделю православия на Красной площади Москвы собрались все выборщики русского государя, чтобы спросить народ о кандидатуре царя. Когда келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, архимандрит Спасского монастыря Иосиф и боярин Морозов поднялись на Лобное место, собравшиеся, не ожидая опроса, закричали:

– Михаил Федорович Романов да будет царь-государь Московского государства и всей земли Русской!

11 июля 1613 года Михаил Романов венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Новый государь наградил казаков, послав на Дон свое “государево жалованье” и первое знамя донцам в знак большого их вклада в победу над поляками и самозванцами в годы великой Смуты.

¹³⁴ Российская императорская фамилия. С. 5.

¹³⁵ Российская императорская фамилия... С. 5. Савельев Е. П. Средняя история казачества. С. 262.

19. Азовское «осадное сидение». 1637–1641 гг.

Золотыми буквами вписаны в военную историю России и Дона подвиги, свершенные более 360 лет назад в легендарном Азовском «осадном сидении»...

Азов... Теперь небольшой городок в устье Дона, некогда он был сильной турецкой крепостью, вокруг которой многие столетия велась ожесточенная борьба между Россией и Блистательной Портой, как гордо именовали Турцию ее правители.

Изначально город был русским поселением, входившим в X–XI веках в состав Тмутарканского княжества Киевской Руси, затем был захвачен половцами, потом стал одним из городов Золотой Орды. В XIII–XV столетиях здесь располагалась богатейшая итальянская колония Тана, которой в 1471 году завладели турки, превратив город в мощную крепость.

Как любимое дитя лелеяли и берегли турецкие султаны Азовскую крепость, из года в год укрепляли ее и без того мощные фортификационные сооружения. Далеко выдвинутая на север Османской империи, крепость позволяла держать в узде крымских и ногайских татар и обеспечивала становление власти султана над степными просторами Дона и Северного Кавказа. Большое место отводилось Азову в стратегических планах турок по захвату земель по Дону, Волге и Кавказу, в намерении восстановить под своей властью Казанское и Астраханское ханства, сокрушенные русскими при Иване Грозном.

Острой занозой сидел Азов в казачьем сердце. Из этого разбойничьего гнезда на землю донскую постоянно осуществлялись грабительские набеги, и лилась в многочисленных битвах казачья кровь, полыхали в пламени всепожирающих пожаров казачьи городки. И сотни связанных пленников с донской земли печальными колоннами тянулись к Азову, а оттуда поступали на невольничьи рынки обширной Османской империи.

Азов мешал казакам нормально жить и развиваться, надо было выдернуть эту занозу из сердца земли донской. Казаки несколько раз подступали к Азову, несколько раз штурмовали его неприступные стены и башни, всякий раз откатываясь с потерями назад. Однако, намерение покончить с Азовом у донцов оставалось твердым: они ждали только удобного случая. И он приспел...

Весной 1637 года султан Мурад IV решил с помощью крымского хана нанести удар по Ирану, с которым Турция вела затяжную войну. Султан считал, что внешнеполитическая обстановка складывается для него благоприятно и что после заключения в 1634 году мирного договора с сильной Речью Посполитой с севера турецким владениям ничто не угрожало. Русское государство, ослабленное Смоленской войной, тоже не собиралось предпринимать враждебных действий против турок. Удачной войной против Ирана султан надеялся потушить народное недовольство в самой Османской империи. Против иранского шаха султан бросил свои лучшие войска и привлек вассалов. Впрочем, у одного из них, крымского хана, имелись свои планы: с января 1637 года он начал подготовку к походу на молдавского господаря Кантемира. В молдавский поход хан принудил идти и сильное войско ногаев. Азов, таким образом, был лишен мощной поддержки ногаев, крымских и турецких войск.

Мурад IV понимал, что донцы, давно жаждавшие захватить Азов, постараются воспользоваться моментом, чтобы осуществить свою мечту. Однако он и в мыслях не допускал, что «неверные», упаси Аллах, возьмут Азов. Но и осада этой крепости не входила в планы «светоча ислама», поэтому он послал к царю Михаилу Федоровичу Фому Кантакузина – опытного и многознающего дипломата. Основной задачей посла было дипломатическим путем добиться отвода угрозы казачьего нападения на Азов.

В пятый раз ехал многоопытный Фома Кантакузин в Москву. И все предыдущие миссии его были успешными. Надеялся на удачу турецкий дипломат и теперь. Однако, надеждам его не суждено было сбыться, казаки быстро разобрались, в чем состоит его задача, и задержали на

Дону, не разрешил следовать далее в Москву. Когда же султанский дипломат-шпион напомнил о своей дипломатической неприкосновенности, донцы заверили его, что пекутся именно о его неприкосновенности и сохранности, ибо в глубоких снегах, что залегли на донских просторах, посол султанский может запросто замерзнуть, не выполнив высокой миссии, порученной ему великим султаном. Кантакузину пришлось согласиться.

А на Дону тем временем шла активная подготовка к походу на Азов. Решение об этом походе казаки приняли на Кругу в январе 1637 года, после чего во все уголки казачьей земли полетели быстроконные гонцы с призывом по весне собираться всем казакам в Монастырском городке для похода под Азов.

Весной 1637 года в Монастырский городок, расположенный между Аксаем и Черкасском и бывший тогда *Главным Войском*, со всех концов земли донской стали стекаться казаки, русские торговые люди, бобыли. Пришли и запорожцы – верные союзники донцов по совместным воинским предприятиям. Всего набралось 4,5 тысячи бойцов.

21 апреля 1637 года на майдане Монастырского городка, у часовни, состоялся большой казачий Круг. Шумели и волновались казаки, выбирая походного атамана, определяя день выступления под Азов и план осады этой сильной крепости с боеспособным турецко-татарским гарнизоном. Почти единогласно походным атаманом избрали известного вожака Михаила Татаринова. Из Монастырского под Азов пробрались казачьи охотники-разведчики, захватили «языков» и выяснили обстановку в крепости.

Походный атаман разделил казачье войско на четыре полка, в каждом из которых казаки выбрали полковников и есаулов. В тот же день казачья пехота на судах, а конница берегом подошла к Азову и осадили его. К удивлению турок, казаки повели правильную осаду. Они вырыли вокруг Азова рвы, соорудили насыпи, позволявшие метать в осажденных камни и стрелять из пушек. И потянулись дни осады, более месяца не приводя к зримому успеху.

Наблюдая за действиями казаков, находившийся у них в фактическом плену Кантакузин решил, что настала пора действовать и призвать на помощь азовскому гарнизону турецкие силы из Кафы, Керчи и Темрюка. Письма с данными о численности донских казаков, осадивших Азов, должны были доставить в эти города люди из его свиты. Однако тайное стало явным: случайно проговорился *толмач* Асан. За измену и «за то волшебство» казаки приказали посла со всеми слугами.

Осада продолжалась, но турки не поддавались, отбивая все приступы казаков. Мало-помалу у донцов стала ощущаться нехватка пороха и свинца, поэтому более чем к стати оказалось «государево жалованье», с которым в конце мая на Дон прибыл царский посол Степан Чириков, который привез порох, ядра, ружья, тут же пушенные казаками в дело.

Понимая, что крепость трудно будет взять приступом, казаки решили подвести под стену подкоп и, взорвав его, ворваться в город. С высоты крепостных стен, уверенные в неприступности Азова, турки посмеивались над казаками, не подозревая, что подкоп приближается к стенам города.

18 июня 1637 года на рассвете окрестности Азова огласил мощный взрыв. Когда рассеялись дым и пыль, в целостной стене зиял огромный провал, куда густой разноцветной человеческой лентой устремились казаки, стреляя на ходу и размахивая саблями и ножами. На улицах крепости разгорелись кровопролитные бои, длившиеся три дня. Турки сражались с отчаянием обреченных, отстаивая каждый дом, торговые лавки, стреляя с крыш и из подворотен. Особенно тяжело пришлось казакам при штурме каменных башен, где укрепились янычары. В одной из них турки продержались еще две недели: казаки взяли башню, когда пал последний ее защитник. Наконец, бои затихли, Азов пал. Казаки освободили 2 тысячи пленных, сидевших в подвалах: часть из них, поблагодарив освободителей, ушла в родные места, другие остались помогать казакам в ремонте стен города.

Известие о падении Азова, дошедшее до султана, поразило его, как гром среди ясного зимнего неба. Возникшее тут же яростное желание немедленно вернуть крепость, отбив ее у «неверных», было погашено отсутствием наличных сил: всё поглотила война с Ираном.

Захватив Азов, казаки начали обустроиваться, решив превратить город в свою столицу – *Главное Войско*. Пролом в городской стене быстро заделали греки, нанятые казаками. Около трехсот разнокалиберных пушек, находившихся в распоряжении казаков, были установлены на крепостных стенах. Но тревожило почти полное отсутствие пороха, израсходованного при взрыве стены, а также явная нехватка продовольствия. Однако радость великой победы перевешивала все неприятное, и жизнь в новой казачьей столице постепенно налаживалась: шла служба в церкви Иоанна Предтечи, казачья разведка надежно охраняла окрестности, на торговой площади Азова развернулась бойкая торговля захваченным в городе добром.

27 июня 1637 года Азов осмотрел государев посол боярин Чириков, которому казаки предложили передать царю их просьбу принять Азов «под высокую государеву руку». Тогда же специальное казачье посольство отправилось с этой просьбой в Москву. Правительство Михаила Федоровича, хотя и было встревожено перспективой большой войны с Турцией, к которой оно было не готово, тем не менее послало на Дон большое количество боеприпасов и продовольствия, разрешив русским торговым людям свободную торговлю с Доном. Одновременно по дипломатическим каналам царь заверил султана в своей непричастности к захвату Азова.

Взятие казаками азовской твердыни имело огромные последствия для Дона и России. Первым и важнейшим его результатом было прекращение в 1638 году татарских набегов на Русь. Захват Азова отразился и на судьбе ногайских татар: уведенные с родных мест крымским ханом, ногаи в первые годы после падения Азовской крепости стали возвращаться в донские степи. Казаки помогли переправиться им через Дон, снабдив необходимыми предметами быта и продовольствием. Вскоре после этого ногайские мурзы признали верховную власть московского царя. Этим актом было достигнуто ослабление татарской конницы, лишившейся такой боеспособной и подвижной силы, как ногайская кавалерия.

В первые месяцы после падения Азова Западная Европа не верила в свершившееся, ибо слишком невероятным казалось взятие горсткой казаков такой неприступной твердыни, как Азовская крепость. Не верил и персидский шах, ведший тяжелую войну с султаном, и чтобы убедиться в этом, он послал в Азов своих людей. Пронырливые персидские разведчики пробрались на Дон и встретились в Азове с казачьими атаманами. Долго и горячо уговаривали шаховы послы казаков не покидать азовскую фортецию, суля большие деньги и обещая военную помощь. Столь горячая любовь персидского шаха к донцам объяснялась просто: в полыхавшей иранско-турецкой войне Азов оттягивал на себя значительные силы турок, облегчая тем самым положение персов.

Занятый войной с Ираном, султан Мурад IV не мог пока начать активные военные действия против казаков, укрепившихся в Азове, но приказал крымскому хану вернуть азовскую крепость ему, султану. И вассал султана, хан, начал действовать...

19 апреля 1638 года на подступах к Азову появилось крымское посольство. Встретившись с казачьими атаманами, татары решительно и нагло потребовали очистить город. «Не токмо, что город дать вашему царю, а мы не дадим с городской стены и одного камня снять вашему царю, – спокойно и уверенно отвечали атаманы, – нешто будут наши головы так же валяйтца около города, как топеря ваши басурманские головы валяютьца, тогда нешто ваш город Азов будет». Крымские послы с достоинством и неспешно удалились.

Понимая, что турки и татары на этом не успокоятся, казаки начали готовиться к долговременной осаде и обороне. К лету 1638 года они усилили прежние крепостные сооружения города, накопив запасы ядер, пороха, свинца и продовольствия. Постепенно восполнялись людские потери, благодаря подходу русских людей из окраинных городов Московии, а также

прибытию казаков из Запорожья. Под стенами крепости шла бойкая торговля: боясь замаскировавшихся под торговцев лазутчиков неприятеля, казаки запретили торговлю в городе.

В относительном спокойствии прошел 1638 год, но со следующего лета над казачьим Азовом стали сгущаться тучи войны. К этому времени султан Мурад IV добился значительных успехов в войне с персами, ему удалось захватить их столицу Багдад, оккупировать Месопотамию; прекратилась и морская война с Венецианской республикой. По приказу султана в Кафе, Керчи и Тамани копились запасы продовольствия и боеприпасов, велась интенсивная подготовка судов к походу на Азов. Узнав о мобилизации турецкого флота, казаки подожгли огромные массивы травы и камыша по рекам вокруг Азова, чтобы на ровной степи свободно наблюдать приближение войск и флота султана. Однако, ни в 1639-м, ни через год нападения турок на Азов не последовало, ибо в разгар подготовки широкомасштабной экспедиции неожиданно умер султан Мурад IV.

Новый султан Ибрагим I, брат покойного владыки Турции, решив внутренние дела, продолжил подготовку к походу под Азов. С января по май 1641 года по всей Османской империи, и особенно в пограничных с Азовом городах, шла лихорадочная подготовка к грандиозной по масштабу экспедиции с целью взятия азовской твердыни.

7 июня 1641 года тяжелой поступью уверенных в победе людей огромные массы турок, татар, немцев, валахов, венгров и представителей других покоренных народов, входивших в состав султанской армии, подошли к Азову. Началась беспримерная эпопея, названная историками и литераторами Азовским «осадным сидением».

Исследователи по-разному определяют силы противоборствующих сторон. Знаменитый российский историк Сергей Соловьев считал, что под Азовом Ибрагим I сконцентрировал не менее 240 тысяч бойцов. Историк Борис Лунин определял численность турецко-татарских войск в 150 тысяч. В некоторых исследованиях фигурирует цифра даже в 300 тысяч татар, турок и вспомогательных войск султана! Ясно одно – перевес султанской армии над казаками был оглушающим, ибо в Азове укрепилось всего восемь с небольшим тысяч казаков... Поэтому можно понять и объяснить самоуверенность турецких военачальников, которые планировали с ходу, с первого натиска захватить Азов, уничтожив в нем все живое.

Готовясь к обороне, казаки, кроме укрепления стен, башен и бастионов, приготовили туркам сюрпризы в виде ям-ловушек и подкопов, которые должны были сработать в решающие моменты штурма.

Обложив город плотным кольцом и не сомневаясь в своей быстрой победе, турки послали к казакам «переговорщиков» с предложением сдаться на условиях свободного выхода из города. Казаки ответили отказом, простым и незатейливым по форме, но решительным по существу. Турецкие послы ни с чем вернулись в свой лагерь.

24 июня на рассвете начался интенсивный обстрел города из мощных штурмовых орудий. Затем волна за волной на крепостные стены полезли янычары, истусленно крича: «Алла! Алла!» Почти сразу туркам удалось захватить часть Азова – Топраков. Однако тут же сработало сразу несколько мин-ловушек, и казаки яростной контратакой выбили деморализованного взрывами врага из только что занятого ими Топракова.

После перегруппировки снова последовали мощные атаки разъяренных неудачей янычар, но казаки остудили горячие головы османов, многие из которых навсегда остались лежать в глубоких азовских рвах. Поняв безуспешность попыток взять Азов с ходу, турецкий главнокомандующий Гуссейн Дели-паша велел насыпать земляной вал, что и было сделано в короткий срок. Однако казаки сумели подвести под него подкоп и взорвать вместе с пушками и пушкарями. Упорный Гусей-паша велел насыпать новый, еще более грандиозный, вал, который своей вершиной должен был превзойти высоту крепостных стен Азова. С высоты этого вала турки планировали обрушиться на казаков и раздавить их своей массой.

Тысячи турок и татар днем и ночью, сменяя друг друга, сооружали вал, который медленно, но неуклонно рос, приближаясь высотой к вершине азовских стен. В лагере османов царило радостное оживление, войска султана воспрянули духом, готовясь к решительному штурму. Сверху на радостную суету турок угрюмо и напряженно смотрели казаки, готовясь к смертельной схватке.

Положение осажденных в Азове казаков было тяжелым. Город дымился от пожаров, возникших в результате ожесточенных турецких бомбардировок, большая часть зданий была разрушена. На строгом учете находились оружие, порох и продовольствие. Особенно страдали от недоедания дети, их желтые бескровные лица, тоскливые взоры и мольбы о еде заставляли сжиматься от боли и страданий окаменелые, казалось, сердца казаков. И еще упорней и яростней сражались донцы на стенах крепости с напиравшим врагом.

Наконец турки соорудили грандиозный вал и, установив на нем мощные пушки, стали непрерывно обстреливать крепость. Снова ураганным всесокрушающим огнем прокатился по городу артиллерийский вал. Зловещее зарево пожаров повисло над дымящимся Азовом. В эти страшные дни обстрелов и штурмов все защитники города не сидели без дела. На стены шли все, кто в состоянии был держать в руках оружие; раненые и больные в изнеможении опускались у полуразрушенных зубцов крепостной стены, готовясь свалить хоть одного противника, прежде чем самому испустить дух. Усталые, оборванные и обожженные, казаки не теряли присутствия духа. Поправляя окровавленные повязки, с глазами, горевшими неукротимым огнем мести, казаки занимали свои боевые места, готовясь к схватке.

Женщины и дети ухаживали за ранеными, подносили бойцам пищу и боеприпасы, тушили пожары, участвовали в земляных работах. Многие жены казаков наравне с мужьями стояли на крепостных стенах, поливая турок и татар горячей смолой и кипятком.

Шестнадцать суток днем и ночью грохотала турецкая артиллерия, посылая смертоносные снаряды в крепость, заставляя казаков зарываться в землю. Одновременно с обстрелом турки повели несколько подкопов к крепостным стенам, но казаки, угадав намерение врага, рыли навстречу свои подкопы, взрывая турок...

Мрачную картину разрушений и опустошений являл собой Азов к началу осени 1641 года. Местами почти до основания были разрушены крепостные стены, рухнули от беспощадной канонады старинные башни. Центральным участком обороны к этому времени стал «четвертый земляной городок».

...Главнокомандующий турецкой армии Гуссейн-паша находился в мрачном расположении духа. Многочисленные атаки его армии были отбиты «неверными», десятки подкопов, что вели янычары под Азов, взорваны на полпути этими дьяволами в казачьем обличье. Воины Аллаха не успевали хоронить своих единоверцев, и в турецком лагере от гниющих трупов стоял невыносимый смрад. В этой ситуации с большой неохотой шли янычары на стены неприступного Азова, где даже дети и женщины становились опасными бойцами. А татарский хан вообще отказался посылать своих воинов на крепостные стены, твердя, что его конники не приучены брать штурмом города.

Гуссейн-паша и сам видел, что продолжать дальнейшую осаду при полной деморализации войск султана нет смысла, и он осмелился донести об этом в Константинополь. Но преславный султан Ибрагим – да продлит Аллах его жизнь! – прислал короткое письмо, от которого с Гуссейн-пашой сделалось плохо. В том послании было сказано: «Паша! Возьми Азов или отдай свою жизнь!» И Гуссейн-Дели снова бросил свои силы на непокорный Азов.

Для казаков наступили самые тяжелые дни. Атаки следовали одна за другой; сменяя друг друга, турки изматывали казаков, у которых некому было сменять защитников, и они вынуждены были без отдыха отражать яростные штурмы османов, неизменно выходя победителями из многочисленных схваток на стенах города.

Тогда Гуссейн-паша снова предложил казакам крупный денежный выкуп за оставление Азова, но донцы ответили отказом. Не взяли они денег и за возвращение туркам их убитых военачальников, заявив, что им, казакам, не дороги деньги, а дорога слава воинская...

...Сентябрь подходил к концу. Осень вступила в свои права: пошли дожди, а за ними наступили и холода. В турецком лагере снова начались раздоры и распри. А Гуссейн-паша, страшась за свою жизнь, упорно гнал на стены города спешенных татар, но те так же упорно отказывались лезть на верную гибель, иступленно повторяя: «Не городоимцы мы!» Крымский хан дерзко говорил с главнокомандующим, припоминая ему бессмысленную гибель своей гвардии в начале лета и грозя уйти из-под Азова, потому что в его владения вторглись польско-литовские войска и забрали большой полон. Гуссейн-Дели тут же отправил султану жалобу на строптивного хана, надеясь, что часть вины за неудачу под Азовом падет на него.

...Наступило 26 сентября 1641 года. Азов стоял разрушенный, но грозный и неприступный. Казаки собрали Круг и решили, что держаться уже нет сил и необходимо совершить ночную вылазку в турецкий лагерь, чтобы пробиться к Черкасску. Темной ночью казацки сотни одна за другой двинулись на турок. Но вместо боевого лагеря они увидели догоравшие костры, брошенные повозки, разбросанное оружие: турецкий лагерь был пуст, враг покинул его!..

Отступление турок и татар больше походило на бегство. По дороге в Крым скончался от ран хан Бахадур-Гирей. Не выдержав ожидания страшной встречи с султаном, умер по дороге от разрыва сердца Гуссейн-паша. Оставшиеся в живых турецкие военачальники были преданы суду и наказаны. Турецкие государственные деятели недоумевали: «Как отсиделись такие малые люди от множества людей?» И не только отсиделись, но и победили, нанеся турецкой армии огромный урон. По самым скромным подсчетам, под Азовом турки, татары и другие народы, участвовавшие в сражении за него, потеряли около 25 тысяч бойцов, в то время как потери казаков составили около 3 тысяч человек.

...Осень вовсю гуляла на донских просторах, обильно поливая землю холодным дождем, но в душах казаков цвела весенняя бурная радость: они победили, показав величайшую крепость казачьего духа! Однако, донцы понимали, что весной будущего года турки с новыми силами подступят к Азову, и снова предстоит неравный бой, исход которого трудно предсказать. Нужны были новые силы и поддержка Московского государства, куда и направилась 9 октября 1641 года легковая казачья станица во главе с атаманом Наумом Васильевым. В Москве, обрисовав положение в Азове, израненном, но не покоренном, казаки предложили царю: «Государь! Мы взяли Азов своею кровию, возьми от нас этот город себе в вотчину». Михаил Федорович уклонился от прямого ответа, пообещав собрать Земский Собор для решения столь важного вопроса. Земский собор, заседавший в Москве с 3 по 13 января 1642 года, решил: дабы удержать Азов в своих руках, необходимо послать в город десяти тысячное войско, содержание которого обойдется в 201 тысячу рублей – огромную по тем временам сумму. Кроме того, царя и бояр пугала перспектива затяжной войны с Турцией. Решено было оставить Азов...

27 апреля 1642 года бояре передали атаману Науму Васильеву государев приказ покинуть Азов. 23 мая царская грамота с этим приказом была зачитана на казачьем Кругу в Азове, после чего казаки со слезами на глазах и с болью душевной покинули город. Вскоре в устье Дона вошли турецкие корабли с войском...

...Азовская военная эпопея, воспетая в многочисленных исторических и литературных произведениях, навсегда вошла в историю России, навечно оставшись в памяти потомков, ибо мужество и героизм обладают удивительным свойством не исчезать в потоке быстролетящего времени...

20. За Дон, за Русь святую (донцы в войнах России XVII века)

В течение всего беспокойного XVII столетия донские казаки участвовали во всех больших и малых войнах, которые пришлось вести Русскому государству. Казаки “умели храбро биться и великодушно умирать за свою родину”, – восхищенно писал В. Г. Белинский, – им не в диковинку было побеждать сильного врага с малыми средствами”.

Особенно прославились донцы в этом столетии своими морскими и сухопутными походами против турок и татар, отбивая у них российских и западноевропейских пленников. Донских казаков в этот период можно было видеть в составе войска Богдана Хмельницкого, ведшего тяжелейшую войну с поляками.

Сильные отряды донских казаков принимали участие в дальнейших походах русского войска, сражаясь против шведов в русско-шведской войне 1656–1661 годов. В этот же период (1656–1667 гг.) россияне вели войну с поляками, в боях с которыми активно сражались донские казаки.

В 1677 году, когда Турция, подстрекаемая Францией, двинула огромную армию под украинский город Чигирин, две тысячи донских казаков во главе с атаманами Кирилловым, Самарениным и Минаевым храбро дрались с басурманами в грандиозном и победоносном для русских Чигиринском сражении. Одновременно другие казачьи отряды регулярно совершали нападения на Крым и Анатолийское побережье Турции, не давая басурманам покоя. За подвиги, свершенные в Чигиринском сражении, донцы получили в 1679 году жалованное государево знамя. На нем был изображен крест с насекой и копьём; с правой стороны креста виднелось солнце, слева – луна. Сверху креста шла надпись: «Иисус Назаретянин – Царь Иудейский», а снизу: «Сие знамя великий государь пожаловал атаману и всему Донскому Войску при победе на врагов Божиих и противящихся на мя, лета 7182 января в 22-й день».

В дальнейшем, вплоть до окончания войны в 1681 году и заключения Бахчисарайского мирного договора, донцы сражались с турками и татарами на юге России, оттягивая значительные силы басурман с украинского театра войны. По условиям мира с Турцией к России отошла вся Украина. Бахчисарайский мир с Турцией не прекратил, однако, татарских и турецких набегов на южнорусские земли, ибо уже в следующем, 1682-м году татары разорили Качалинский и Паншинский городки на Дону. Ввиду этого Россия согласилась примкнуть к антитурецкой коалиции, главными участниками которой были Польша и Австрия.

В сентябре 1683 года в знаменитой битве под стенами Вены, когда польский король Ян Собеский нанес поражение 200-тысячной турецкой армии под командованием визиря Кара Мустафы, “донские казаки, – отмечал историк Исаакий Быкадоров, – были не только участниками, но и главными виновниками победы, составляя главное войско – отборную пехоту”. Турки, в панике оставив пушки и богатый обоз, поспешно ушли из-под Вены.

С 1687 года Россия возобновила активные боевые действия против турок и татар, организовав два похода в Крым, в которых приняли участи и донцы.

Весной 1687 года отряд донцов в главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым ушел в первый поход князя Василия Голицына против крымского хана. По пути движения к русской армии казаки, к которым присоединились союзные отряды калмыков, столкнулись близ урочища Овечьи Воды с тысячей конников, посланных из-под Перекопа крымским ханом для добывания сведений о численности и направлении движения русской армии.

Обнаружив противника, казаки некоторое время выжидали, определяя численный состав татарского отряда, а потом после короткой перестрелки стремительно атаковали их, разрезав боевое построение врага надвое. В последовавшей за этим кровопролитной схватке казаки разгромили противника. “Поле сражения усеяно было татарскими трупами – писал историк

Сухоруков, – коих найдено на месте пятьсот человек, кроме убитых при преследовании; причем взяли в плен пятьдесят человек, забрали весь их кош и отбили 90 человек пленных российских людей». Татары, однако, в большое сражение с русскими войсками не ввязывались, применяя тактику изнурения неприятеля. С этой целью они подожгли во многих местах степь, оставив русскую конницу без корма и воды. На военном совете, созванном 17 июня в шатре князя Василия Голицына, решено было вернуться назад ввиду бесперспективности продолжения похода. Возвратились на Дон и казаки.

Следующую попытку прорваться в Крым русские предприняли через год. В феврале 1689 года 150-тысячная русская армия под начальством князя Василия Голицына сосредоточилась на сборных пунктах. Донских казаков вновь возглавил атаман Фрол Минаев, которому предписывалось с 3 тысячами казаков действовать против татар в авангарде армии. 15 мая 1689 года русские приняли бой с татарами близ урочища Зеленая Долина, на севере от Перекопа, и разбили их. Пять дней спустя армия подошла к крепости Перекоп. Голицын не решился штурмовать ее, вступив в переговоры с ханом, который этого и ждал, опасаясь активных действий русских. В то время как шли бесплодные переговоры с ханом, казаки Фрола Мигаева разгромили несколько мелких отрядов татар, шнырявших в окрестностях Перекопа, и, выйдя на лодках в море, захватили несколько неприятельских судов.

...И эта попытка князя Голицына усмирить крымского хана не принесла успеха. Победа россиян над турками и татарами пришла в 1696 году под Азовом.

21. С Петром Первым под Азовом. 1695–1696 гг.

С полным и твердым воцарением на российском престоле Петра I во внешней политике России произошли решительные перемены. «России нужна вода! – заявил царь Пётр. – И клянусь всемогущим Богом, Россия будет иметь ее!» Эти слова стали девизом всей жизни царя-реформатора, обратившего свой взор на юг, на берега Азовского моря. Наступила знаменательная эпоха борьбы за Азов.

Приняв в феврале 1695 года решение о взятии Азова, Петр I направил в Черкасский городок атаману Фролу Минаеву грамоту с требованием готовить казачье войско в поход под Азов. К маю 1695 года исполнительный Минаев собрал в Черкасске и его окрестностях более 5 тысяч доброконных казаков. Ждали прихода государя Петра Алексеевича, который и прибыл в казачью столицу на рассвете 25 июня. Атаман с ближними старшинами встретил царя хлебом-солью и орудийным салютом¹³⁶.

После трехдневной стоянки в Черкасске петровский флот ушел к Азову. Фрол Минаев, проводив государя, двинулся к Азову во главе пяти тысяч казаков левым берегом Дона.

...Обложив Азов со всех сторон, Петр I поставил казачьи полки Минаева сдерживать натиск татар со стороны степи. Активные боевые действия начались в конце июня. Русская артиллерия обрушила на крепость массированный огонь, саперы день и ночь рыли подкопы, стремясь подвести под Азов мощный пороховой заряд. В один из дней было подорвано два таких заряда, и государевы войска пошли на штурм крепости. Однако, турки сумели отбиться.

На военном совете, заседавшем сразу же после этой неудачи, Пётр предложил приостановить активные нападения на Азов и прежде всего захватить башни-каланчи, стоявшие по обоим берегам Дона и препятствовавшие подвозу боеприпасов и продовольствия.

– Имеются ли добровольцы, господа военная консилия? – спросил Пётр, обращаясь к собравшимся.

– Имеются, государь! – откликнулся стоявший недалеко от царя атаман Минаев. – Мои казаки, твои верные подданные, государь...

Темной ночью 14 июля 1695 года две сотни донских казаков, бесшумно подобраться к каланчам, миной-петардой взорвали железные ворота одной из башен и в завязавшейся схватке с янычарами захватили ее. Через день добровольно сдался гарнизон второй башни...

Радости царя Петра не было предела. Он обнял и расцеловал Минаева, велел построить героев-казаков. Поочередно обняв каждого из них, государь вручил им по червонцу, преподнес по доброй чарке вина. Салют в честь донцов потряс окрестности Азова...

Захватив башни-каланчи, Петр полагал, что сможет в ближайшее время штурмовать город и захватить его. Однако, атака на крепость, предпринятая несколько дней спустя, была отбита с большими потерями для россиян. Петр велел своим инженерам подготовить несколько надежных подкопов под крепость, назначив общий штурм на 27 июля.

Фрол Минаев, с казаками прикрывавший штурмующие войска с степной стороны, видел, как после пушечной канонады густые массы пехоты двинулись на стены Азова, как окуталась крепость дымом и дрогнула от выстрелов своих орудий, как после двухчасового боя россияне начали отходить. В этот момент из степного марева, словно привидения, вырвались татарские всадники и с диким гиканьем понеслись на казаков. Фрол Минаев лично повел своих конни-

¹³⁶ Атаман Фрол Минаевич Минаев был интереснейшей личностью того времени. Свою боевую деятельность он начинал в рядах разинского войска, потом был избран станичным атаманом. В 1675 г. он в качестве походного атамана донцов ходил в Крым в составе дипломатической миссии князя Черкасского. В 1680 г. Минаева избрали донским войсковым атаманом, и он занимал эту должность, с небольшими перерывами, до конца ХУП века. В конце жизни он ушел в монастырь под именем схимника Филарета. Скончался в 1700 году, последнее упокоение нашел на Преображенском (Ратном) кладбище Черкаска (ныне станица Старочеркасская).

ков навстречу басурманам. Под лазурью июльского неба разгорелось кровавое побоище. Звон сабель, крики раненых, хрип умирающих, стоны ухающих орудий – все слилось в единый кошмарный вой. Час длился весь этот ужас, наконец, казаки сломили татар. Петр велел трубить отбой, чтобы подобрать раненых, отпеть и упокоить убитых.

И эта попытка захватить Азов закончилась неудачей.

Несколько дней спустя атаман Фрол Минаев был приглашен на военный совет к государю. В шатре Петра I уже находились генералы Гордон, Головин, Лефорт. Пыхнув трубкой, Петр, увидев Минаева, начал:

– Господа военная консилия! Азов-город в крепком обложении, раскаты и башни, где были пушки, и вся пушечная стрельба, отнята и сбита. И в каменном городе, как доносят лазутчики наши, все разбито и выжжено как от пушек, так и от бомб, и жильцов там никого нет, ибо все вышли в вал, который против наших обозов. Однако ж, находясь в столь бедственном положении, комендант тамошний Муртаза-паша отказался сдаться на почётных для басурман условиях. Сей узел азовский разрублен может быть токмо дерзостным штурмом, кой я и предлагаю совершить пятого дня сего месяца августа. Прошу высказываться, господа!..

Первым начал Лефорт:

– Государь, поддерживая решение ваше о штурме Азова, хочу добавить, что нынешней ночью перебежал к нам из крепости грек, кой сообщил, что в Азове из семи тысяч гарнизона тамошнего почти третья часть выбыла убитыми и ранеными, ко всему надобно учесть, что басурмане испытывают недостаток в съестных и боевых припасах. Сей грек-перебежчик сообщил тако ж, что сапёры Муртаза – паши заложили контрмины для уничтожения наших подкопов. Вчерашнего дня мы обезвредили одну таковую мину на кладбище. Штурмом довершим мы победоносную сию осаду!..

– Согласны, государь! – раздалось несколько голосов, в числе которых выделялся бас генерала Головина. Лишь Патрик Гордон, укрывший голову роскошным париком, сумрачно молчал и заговорил, когда стих одобрительный шум военачальников, ратовавших за немедленный штурм:

– Неразумно, государь, свершать столь опасное предприятие, не подготовившись к оному, – Гордон встал, лицо его, обычно спокойное и невозмутимое, покрылось пунцовыми пятнами, голос зазвенел от волнения. – Нельзя предпринимать штурма, не сделав предварительно пролома в крепостных стенах, не имея достаточно лестниц и фашин. Бомбардировки крепости еще недостаточно ослабили врага, чтобы мы могли предпринять штурм!

После страстной речи шотландца на минуту установилась гнетущая тишина. Минаев видел, как нервно подергивались черные усики государя, который заговорил, иронично глядя на Гордона:

– Зело опаслив стал ты, Патрик! Не для сей канители прибыли мы сюда, чтобы топтаться под стенами Азова, боясь схватиться в прямом бою с басурманами. Завтра штурм! – помедлив, он спросил: – Имеются ли охотники, господа генералы?

Фрол Минаев, до того молча слушавший царя и генералов, подал голос: «Имеются, государь! Две с половиной тыщи моих казаков изъявили беспременное желание первыми пойтить на приступ Азова-города. Столь же казаков оставляем в резерве и то потому, что мы их определили для сбережения лагеря нашего со стороны степи, откуда все время налетает басурманская конница, государь».

– Добре, Минаич! – просиял Петр. – Пусть сей порыв сынов Дона найдет восприемников в рядах солдат российских. Господа генералы, приказываю в помощь казакам атамана Минаева выделить по полторы тыщи человек от каждой дивизии российской. Приказываю от моего имени объявить по полкам, что за каждое взятое басурманское орудие рядовым будет заплачено по десять рублей, а господ офицеров ждет за сей подвиг особливая награда. Теперь обсудим диспозицию... – царь придвинулся к карте Азова, лежавшей на столе, генералы окружили

его плотным кружком. – Бутырский и Тамбовский полки имеют целью овладение угловым бастионом на левом фланге, – Петр потухшей трубкой показал это место на карте и продолжал: – Господину генералу Головину надлежит со своею дивизиею овладеть укреплениями, кои находятся на правой стороне, ближе к реке Дону. – Петр поднял глаза на Минаева, порывавшегося что-то сказать, и добавил: – Тебе, Минаич, со своими казаками предстоит напасть лодками на нижнюю часть крепости и по суше приблизиться к Азову, дабы споспешествовать общему успеху. С Богом, господа!

...Предрассветная тишина 5 августа 1695 года. Солнце еще не выкатилось из-за горизонта, на траве лежит обильная роса, в сероватом небе поют ранние птицы, степь звенит цикадами. Тишина... Мгновение спустя зарокотали сигнальные трубы: то в русском лагере сыграли зорю. Ночное спокойствие сменилось возбужденными людскими голосами, ахнули русские пушки... Бутырцы и тамбовцы, таща за собой длинные штурмовые лестницы, спорым шагом ринулись на приступ. Одновременно Головин ввел в бой свои полки... По водной глади стремительно заскользили казачьи лодки Фрола Минаева. Одна, другая, десятая, двадцатая... Они быстро причаливали к берегу, и четыре сотни донцов пошли на приступ. Крепость объялась пламенем, тяжело ухнув, громыхнули по нападающим турецкие пушки. Янычары с криками «Алла!» высыпали на стены, отталкивая рогатками штурмовые лестницы, густо облепленные русскими солдатами. Лестницы медленно валились в глубокие рвы, на дне которых вперемешку лежали убитые и раненые россияне.

Поскольку полки Головина стояли в садах, ожидая приказа, и не поддержали штурм, то турки получили возможность бросить на Тамбовский и Бутырский полки новые силы, окончательно отбив их атаку. Вынуждены были отступить и казачьи полки Минаева. Провал штурма удручающе подействовал на всех.

Петр, однако, не падал духом и не терял надежды взять Азов в эту кампанию. Подготовившись, он назначил генеральный штурм на 25 сентября. В приступе участвовала тысяча казаков, отобранных по жребию, остальные охраняли русский лагерь от возможного нападения татар. Однако, и этот штурм завершился неудачей... Стало окончательно ясно, что Азов в этом году не взять: нужен флот. Второго октября русский лагерь опустел, только в башнях-каланчах остался казачий гарнизон, имевший приказ держаться до весны, до подхода свежих русских сил.

Основательно подготовившись к осаде Азова за зиму, Петр I весной 1696 года снова появился на Дону, в Черкасском городке. Накануне прибытия царя атаман Минаев поручил полковнику Леонтию Поздееву предпринять поиск в Азовское море. 2,5 тысячи донцов на легких стругах, несмотря на яростный артиллерийский огонь турок, сумели напасть на турецкую флотилию и потопить два больших корабля противника, шедших в Азов с боеприпасами, вооружением, продовольствием и янычарами. Затем казакам удалось захватить десять полугалер с столько же посадить на мель. В Черкасск было доставлено 50 тысяч червонцев, сукна на 4 тысячи человек, много пороха, свинца и холодного оружия.

15 мая 1696 года четыре галеры, на одной из которых плыл Петр I, бросили якорь у черкасской пристани. Прояснив с помощью разведчиков полковника Леонтия Поздеева обстановку под Азовом, царь принял решение двигаться к Азову всеми силами флота, конницы и пехоты.

7 июня к Азову подошли главные силы русской армии, среди которых находилось 15 тысяч украинских и 5 тысяч донских казаков. По диспозиции, разработанной Петром I, донские казаки Минаева заняли левый фланг. Здесь же стояли запорожцы. Позиция эта считалась весьма опасной, потому что сюда постоянно направлялись атаки татарской конницы, пытавшиеся прорваться к Азову со сторон Кагальника.

Шли дни осады, россияне методично наращивали успех, и по всему было видно, что турки долго не продержатся. Петру I удалось полностью блокировать Азов, лишив его гарни-

зон подкреплений и подвоза продовольствия и боеприпасов. После месяца боев турки были поставлены в безвыходное положение. Кризис наступил 17 июля, когда 2 тысячи донских казаков во главе с атаманом Минаевым внезапным натиском ворвались на земляной вал, составлявший внешнюю линию азовской обороны. Сбив оттуда ошеломленных янычар, казаки стали преследовать противника. Достигнув каменной крепости, турки сумели закрепиться, а потом, перегруппировавшись и получив подкрепление, бросились в контратаку. Донцы, заняв угловой бастион, отразили все атаки басурман, значительно ухудшив их общее положение.

Царь, довольный успехом казаков, назначил общий штурм на 22 июля. Но брать город приступом не пришлось: 18 июля 1696 года, осознав полную безнадежность своего положения, комендант крепости сдался на условиях свободного выхода из Азова. Азов стал русским городом. Россия получила выход в Азовское море.

18 августа 1696 года в Черкасске был салют и сожжен фейерверк в честь этой победы россиян: то был первый салют в честь военной победы русского оружия, победы, огромный вклад в которую внесли донские казаки.

22. Степан Разин

Легендарной личностью русской истории является **Степан Тимофеевич РАЗИН**, названный А. С. Пушкиным «единственным поэтическим лицом русской истории».

Он родился на Дону около 1630 года. Историки по-разному определяют место его рождения. А. И. Ригельман (1720–1789) считал, что Разин родился в станице Зимовейской (казачий городок Зимовейко). Однако, есть версия, что родиной знаменитого мятежника является станица Старочеркасская (бывшая столица Дона город Черкасск). Да и в исторических песнях утверждается, что

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе
Породился удалой добрый молодец
По имени Степан Тимофеевич Разин¹³⁷.

Отец Степана, Тимофей Разя, происходил из воронежских людей. Придя на Дон в поисках вольной жизни, он проявил себя как отличный воин и руководитель, став казачьим старшиной. О матери Разина известно только то, что она была восточной женщиной: турчанкой, татаркой или персиянкой. Крестным отцом Степана являлся Корнилий Яковлев, знаменитый казачий атаман того периода.

Было у Степана два родных брата. Старший, Иван, был повешен в 1665 году под Киевом за самовольное оставление боевых позиций. Младшего, Фрола, казнили в Москве, на Красной площади в 1676 году как «вора и изменника».

Степан Разин несколько раз побывал в составе различных казачьих посольств в Москве и посетил знаменитый Соловецкий монастырь, молился святым чудотворцам Зосиме и Савватию – исцелителям душевных и телесных ран.

В 1661 году Разин, как знающий калмыцкий язык (по данным его современников он владел восемью языками), был включен в состав казачьего посольства, которое провело успешные переговоры с калмыками.

¹³⁷ Исторические песни XVII века. М.-Л., 1966. С. 148–149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.